

Вячеслав ДЕНИСОВ

ЖЕСТОКИЙ НАЕЗД

СУДНЫЙ ЧАС

Судья Струге

Вячеслав Денисов

Жестокий наезд

«ЭКСМО»

2008

Денисов В. Ю.

Жестокий наезд / В. Ю. Денисов — «Эксмо», 2008 — (Судья Струге)

Автомобиль на большой скорости врезался в группу людей на остановке, убивая и калеча. Возбуждено уголовное дело, начато расследование. После его окончания дело передали федеральному судье Струге. И тотчас на судью начал давить один из высокопоставленных чиновников города, родственник которого был причастен к наезду. Одновременно дала о себе знать и другая, потерпевшая сторона. Впрочем, для судьи подобная ситуация обычная. Но дело начинает приобретать неожиданный поворот. Судье кажется, что предоставленные следствием доказательства вины подсудимого недостаточны и подозрительны. В связи со служебной необходимостью он получает в УВД оружие и очень скоро пускает его в ход. Ранее роман издавался под названием «Большой героин».

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вячеслав Денисов

Жестокий наезд

Все события, герои и персонажи в романе вымышлены. Совпадения с реальными лицами случайны.

Часть I

Глава 1

Любой машины хватит до конца жизни, если ее гнать по обледепевшему шоссе со скоростью в полторы сотни километров в час. Все бы ничего, бог с ней, с машиной, и с тем, кто ее гонит. Если он принял решение, как в романе Грина, «умереть с ней в один день», то никто не вправе препятствовать исполнению его последней воли. Да еще если для этого он выбрал бы заброшенный аэродром или пустующую автомагистраль. Однако убийственная «Тойота» неслась по центральной улице города Тернова. Проспекту Ломоносова. В три часа дня. В среду. То есть в то время, когда на проспекте происходит то, для чего, собственно, проспект и существует. Обильное автомобильное движение и пеший ход сродни Крестному.

На скорости сто сорок пять километров в час (от удара спидометр заклинило, и стрелка осталась приплюснутой к шкале) «Тойота Проминент» (в милицейском протоколе так и записано: «Тойота Проминент») прошла скользом по боку красавца «пятисотого», а затем и «Лексуса», врезалась в толпу на остановке и влетела в салон модной одежды для молодоженов. Остановился «болид» в кабинете директора салона. Должностное лицо оказалось прижатым к стене столешницей офисного стола. До расчленения управляющего по пошиву фраков на две фалды не хватило каких-то двух-трех километров в час.

Вот такой «проминет» вышел в декабре месяце прошлого года в городе Тернове. В городе, где я, в должности федерального судьи Центрального районного суда, отправляю правосудие.

Когда я получил от председателя суда пухлую папку, я пролистал ее прямо в его кабинете. Ловя краем уха рассказ Николаева о последнем совещании в областном суде, я никак не мог представить порядок событий, которые разворачивались на улице. Захлопнув корочки дела, я решил изучить его более внимательно в своем кабинете. Возможно, сказывалась усталость, накопившаяся за день, возможно, отвлекал своим красочным рассказом Виктор Аркадьевич. Как бы то ни было, я взял папку под мышку и вышел из приемной.

Но перед уходом домой решил просмотреть дело еще раз. Все было на месте. Изувеченные иномарки, разломанная остановка, два трупа, разоренный салон одежды, «Скорая помощь», увозившая директора в реанимацию... Даже не вдаваясь в подробности случившегося, мне в этот вечер захотелось задать вопрос выжившему в этом катаклизме водителю «Toyota-Prominent». Юноша, ты что, торопился, что ли? Куда? Зачем?

Крайне заинтересованный ходом расследования этого преступления, я сунул дело в портфель и вышел из суда. После командировки в Москву, куда был послан волей Лукина, председателя областного суда, мне было жаль каждой минуты, проведенной вне дома. Секретарь Алла, привыкшая к моим поздним уходом, вследствие чего была вынуждена оставаться со мной, не могла на меня насмотреться в последние дни. Она поверила в невозможное. В то, что я наконец-то стал нормальным человеком, который покидает рабочее место, как и всякий нормальный человек, в восемнадцать ноль-ноль. Бедная девочка, она не знала, что это у меня

не надолго. Пройдет еще неделя, и тишину моего кабинета после шести вечера опять будут разрывать телефонные звонки ее парня. Он будет звонить и интересоваться: «Милая, зачем унылая? Тебе вчера что-то не понравилось?» Ее задержки на работе он расценивал лишь с позиции того, что вчера ночью сделал что-то не так. И моя секретарша, косясь на опять задерживающегося на работе судью, будет что-то лопотать в трубку. Алла по своей природе человек немного рассеянный и не умеющий делать логические выводы. Когда я говорю по этому телефону, я прекрасно знаю, что она, сидящая в четырех метрах от меня, хорошо слышит весь мой разговор. Наш телефон ревет, как мегафон. Поэтому я никогда не говорю при ней о личном. Однако, когда доходит очередь до нее, она шепчет в трубку, думая, что я не ловлю смысл беседы. Действительно, я не всегда четко различаю ее слова. Однако я догадываюсь об их смысле, когда ей отвечает собеседник. Получается, что Алла не понимает, что ее шептание в трубку – несусашица.

Об Алле я могу говорить бесконечно. Это своеобразный уникум, ярчайший представитель поколения «Next», «Пепси-Чарт» и прочих атрибутов новой эпохи. Она пришла работать в суд сразу после школы, провалив вступительные на юрфак. Она моя соратница почти с первого дня моей судейской деятельности, свидетельница моих взлетов и падений. В течение восьми лет, что мы работаем в одной упряжке, институт она все-таки закончила. Точнее, не институт, а академию. Когда она поступала впервые, он назывался институтом. После ее трех неудачных попыток он переименовался в университет. Когда же наконец Алла получила диплом, университет к тому времени стал Академией. Терновская юридическая академия. Однако сути дела это не изменит. Все равно в ней будут обучаться Алла и ее подруги, такие же, как она... Несмотря на свои двадцать пять, Алла Крамская притормозила в своем развитии на несколько лет. Я никогда не назову ее глупой или бездарной, просто ее неповторимый наив иногда выводит меня из себя. Кофточки, юбочки, звонки на радиостанцию с просьбой заказать песню... Я ей неделю назад сказал:

– Алла, какой любимый цвет у Шакиры?

– Голубой, Антон Павлович!.. – Она от изумления округлила глаза так, что я в них едва не захлебнулся.

– Звони быстрее на наше «Радио-Восток»! За правильный ответ дарят романтическое путешествие на двоих в Чечню.

И что вы думаете? Бросилась звонить. Пришлось останавливать.

Несмотря на имеющийся диплом юриста, уходить от меня она почему-то не торопится. Я однажды полюбопытствовал, на что получил странный ответ:

– С вами надежно, Антон Павлович. Как за каменной стеной. А выходишь на улицу после рабочего дня и сразу чувствуешь себя беззащитной...

Вот так, Струге: как хочешь, так и понимай. Можно было бы гордиться, но, с другой стороны, она меня за мужика не держит. Сядет за свой стол и в течение четверти часа, пока в коридоре формируется коллектив граждан, красит губы, выводит карандашом глаза, пудрит нос... Мне даже как-то неудобно становится в эти минуты. Однажды не выдержал и спросил:

– Алла, а нельзя накладывать грим в другом месте?

– Да вы что, Антон Павлович?! А если меня кто-то ненакрашенной увидит?! Боже, ужас какой...

А я вижу – это нормально?! Таким образом, я надежный мужик, а с другой стороны, «свой» мужик, у которого Алла без макияжа симптомов разочарования вызвать уже не может. Хотя, может, она и права. Если быть откровенным с самим собой, то мне она мила любой. С ней я «живу» дольше, чем с женой.

Мой секретарь относится к числу тех людей, которые достанут из-под земли таблетку цитрамона за секунду до того, как ты откроешь рот с подобной просьбой. Я никогда ее ни к чему не обязывал и не собираюсь этого делать в дальнейшем, однако она всегда приготовит

утром чай и достанет из своей волшебной сумочки домашние пирожки. Всегда первой поздравит с днем рождения и последней выйдет из кабинета в конце рабочего дня. Она безалаберна в жизни, но до изумления работоспособна. Грамотна до неприличия, но у меня есть сомнения, что за свою жизнь она прочла не более десятка художественных книг. Кладезь противоречий, находящийся внутри светловолосой молодой женщины, более похожей на юную девушку. Она настолько порядочна, что при своем росте в сто шестьдесят сантиметров видится мне выше всех своих коллег в суде. По самым что ни на есть физическим параметрам.

Когда она только пришла работать в Центральный суд, я, по своей старой следственно-прокурорской привычке, дал ей месяц, чтобы прийти в себя и обжиться, после чего несколько раз проверил... Не секрет, что для граждан из криминального мира секретарь какого-нибудь судьи – источник информации. И не секрет, что некоторые из штата секретарей судов, при своей юмористической зарплате, имеют неплохой приработок на стороне, харчуясь именно у бандюков. Чего греха таить – многие из них заводят романы именно с молодыми людьми из того порочного круга. А чего не наговоришь в постели, переводя дух и затягиваясь сигаретой? Вот и пришлось мне пару раз камеру в кабинете устанавливать да домой пораньше уходить. Спички в дверцы моего, недоступного для секретаря, сейфа вставлять да старого друга Пашенко просить об организации небольшого оперативного эксперимента. Вадим Пашенко – это мой друг детства, трудящийся ныне в должности прокурора транспортной прокуратуры. «Подводили» Алле людей со стороны, на «гнилое» дело раскручивали, но, к моему великому удовольствию, девочка выдержала испытание с честью. Поэтому и работает со мной по сей день, не догадываясь о подлости и параноидальных замашках своего шефа.

Сегодня Алла отпросилась. Это случается редко, но обойтись без этого не может ни один секретарь. После очередного телефонного разговора, который я, ничтоже сумняшеся, выслушал как ни в чем не бывало, Алла расплакалась и попросила отпустить ее на час раньше.

Мне так и хотелось сказать – слушай, девочка, бросай ты этого жлоба к чертовой матери да обратись ко мне за помощью! Если уж так получилось, что я тебе совсем родной стал... Я расскажу тебе, где и как искать свою любовь и что нужно делать, чтобы в дальнейшем вот такие охранники частных фирм тебе голову не крутили и не измывались! Я поясню, что... Впрочем, Струге, что именно ты можешь пояснить, если свою собственную любовь нашел в тридцать шесть? И если в своей жизни столько ошибок совершил в личном плане, что хватит на десяток мужиков?

Может быть, именно поэтому и смогу объяснить!

Голова болит. Иду домой, на душе какая-то тревога. Причин несколько. Во-первых, захворал Рольф. Это мой кобель немецких кровей, всего за год превратившийся из лопоухого кутенка в доброкачественную, статную овчарку. В том, что он вырос и воспитался, мы с Сашей убедились неделю назад. До этого весь год приходилось защищать кобеля на улице. То у него «стайный» период, то – «пубертатный», то период «страха». Я уже начал подумывать о том, что эти периоды возмужания не закончатся до конца жизни. Во всяком случае – до конца его жизни. И придется мне его таскать на поводке до старости, защищая от наркоманов, ротвейлеров и метел дворников. А вчера наш с Сашей юноша приятно удивил. Саша пошла погулять на пустырь, а там, откуда ни возьмись, – три пьяных дегенерата после попойки. Конечно, мимо Саши не может пройти ни один мужик, чтобы не оглянуться вслед. Такова уж моя жена в своем обличье. Однако не каждый знает, что крутить с Сашей флирт позволено лишь мне. Она может и сумочкой по ранетке зарядить. В сумочке у нее газовый «вальтер», но она его использует лишь в виде гирьки, находящейся в ридикюле. Таковы уж женщины. Им почему-то приятней бить по голове, нежели плавно нажимать на курок.

И тут такая встреча... Одна и без оружия. Дело было на пустыре, на поляне, посреди маскирующих окрестность кустов волчьей ягоды. До дома – метров триста. Именно эти обстоятельства, видимо, и навели троих подонков на мысль поразвлечься с красивой женщиной.

Когда Рольф зарычал своим лепечущим баском, жена решила сблефовать и предупредила, что отстегнет поводок. Она потом рассказывала, какой дружный хохот вызвала эта угроза. Как бы ни была воспитана собака, тем более немецкая овчарка, она органически не переваривает два типа людей. Во-первых, пьяных. Во-вторых, сумасшедших. И тогда у нее «падает планка». Удержать собаку в этом случае может лишь здоровый мужик. А уж когда собака чувствует, что угрожают любимой хозяйке...

В общем, Рольф озверел. Отстегнутый с поводка, он понял, что ему разрешили. Он рвал пьяниц с такой яростью, что Саша испугалась уже за них. Он гонял их по всему пустырю, как лев гоняет по саванне антилоп. Потом вернулся, и они, в роли победителей, направились домой. Потом Саша вспомнила о «вальтере», который все это время находился с ней, в кармане куртки, и о моей просьбе не ходить на пустырь без меня...

Итак, наш пес вырос, а мы этого не заметили. И сейчас он, с сухим носом и унылым видом, лежит в квартире и тяжело вздыхал. И я уже начинаю подумывать о том, что он отравился, укусив подонков на пустыре.

Это первая причина моей головной боли. Второй является то, что уголовное дело, покоящееся сейчас в моем портфеле, носит все признаки скандального. Как принято говорить в пресс-релизах начальников отдела по связям с общественностью – «просматриваются все признаки заказного убийства», так и в моем деле, далеком от «заказухи», просматриваются все признаки дела скандального. Водителем «Тойоты» был сын уважаемого в нашем городе человека. Артем Семенович Малыгин являлся отпрыском Семена Матвеевича Малыгина, заместителя председателя городской думы. Хозяином лакированного «Мерседеса», которому депутатский сын изуродовал внешний вид, – племянник начальника ГУВД Смышляева. А водителем «Лексуса» – Сергей Николаевич Басков... Впрочем, что это я так официально? Водителем «Лексуса» был известный в городе Бася, сменивший на посту «смотрящего» покойного Пас-тора.

Какие-то должности у них аховые. Сколько живу, столько диву даюсь. И в прокуратуре в свое время удивлялся, когда следаком лямку тянул, и сейчас. «Смотрящий», «держатель общака», «положенец», «центровой». Не должности, а какой-то дублирующий состав флота, раздолбанного японцами под Цусимой. Армада, плывущая в непонятном направлении...

Спасибо, Виктор Аркадьевич, за дело. Только у меня есть вполне обоснованные подозрения, что это дельце велел подкинуть мне Лукин, председатель Терновского областного суда. За тот месяц, что я был в Москве, мой непосредственный начальник, председатель районного суда Николаев Виктор Аркадьевич, изменился, и, как мне кажется, не в лучшую сторону. Ранее он мало обращал внимания на указания Лукина, если они не связаны с организационной деятельностью. Сейчас же я наблюдаю, как Николаев исполняет любую прихоть Лукина Игоря Матвеевича, чего бы она ни касалась. Месяц моего отсутствия не позволял мне проследить всю эволюцию таких отношений. Но особой причины для удивлений я не нахожу. Чего у Игоря Матвеевича Лукина не отнять, так это умения подминать под себя людей...

Поэтому я и не сомневаюсь, что отдать дело Малыгина мне посоветовал именно Лукин. Таких фигурантов, которые отсвечивают на каждой странице, нужно еще поискать. Каждый судья в кошмарном сне видит таких представителей сторон на процессе. А уж вспоминать фамилии тех, кого Артошка Малыгин сбил на остановке, вообще не хочется...

– Кто?

– Сашенька, это я.

Глава 2

Рольф болен, сомнений нет. А я даже не знаю, как вызывать собачью «неотложку». Саша садится за телефон и начинает обзванивать ветеринарные клиники.

Рольф по привычке лежит на кухне, хотя уже второй день ничего не ест. Однако собачья жадность, свойственная в равной степени как бродячим «метисам», так и чистокровным «немцам», заставляет его лежать там, где вкусно пахнет и можно что-нибудь украсть. Справедливости ради нужно заметить, что воспитание Рольфа не позволяет ему красть со стола или выпрашивать куски, наблюдая мутными от голода глазами за каждым пельменем, исчезающим в твоём рту. Я не виновен в том, что его глаза становятся мутными, едва он завидит что-то съестное. В эти моменты он вздыхает, как человек, потерявший близкого, и уходит в зал смотреть телевизор. После вылизывания миски просмотр телепередач занимает у нас второе место. Однако все это уходит на задний план, когда овчар слышит команду «Гулять?». Не – «Гулять!», а именно – «Гулять?». Сумасшествие от счастья – вот как это можно назвать.

Однако сегодня нам не до «Вестей», перловки с мясом и даже не до улицы. Рольф лежит в кухне, у батареи, и вздыхает, как перепивший мужик. Такое может случиться, и случается, с каждым. И ничего в этом страшного нет. Я почти уверен, что он во время гуляния с Сашей выкопал из-под снега какого-нибудь прошлогоднего воробья и... Что поделать, даже «голубая кровь» не в силах подавить волчьи инстинкты.

Саша до кого-то дозвонилась. Наверное, это кто-то из ее знакомых по банку юристов. И сейчас, если прислушаться, можно услышать, как он советует ей поступить. Женщины, юристы они, доктора наук или мойщицы посуды, всегда сделают то, что советует им близкий человек. Закон, знания и опыт уходят на задний план.

Я почесал Рольфа за ухом и направился в комнату. Сейчас вклинюсь всей своей массой в очередное уголовное тело, вынесу постановления о подготовке дела к судебному разбирательству, о его назначении... Все это приходится делать дома, потому что на работе времени нет. Так поступает каждый судья, если он волнуется за исход дела и за качество своей работы. Мы, судьи, несовершенны, как все остальные представители человечества и как закон, который управляет нашим поведением.

Я не успел как следует разместиться за компьютером, как зазвонил телефон. Он у нас спаренный. Один аппарат стоит в зале, где я и нахожусь, а второй в прихожей.

– Это по Рольфу! – крикнула из кухни Саша, однако я уже поднял трубку.

Голос не принадлежал Вадиму и тем более не мог принадлежать Насте. Хриплый, придавленный обстоятельствами голос спросил:

– Как мне услышать Антона Павловича Струге?

– Кто интересуется?

– Это Малыгин. Семен Матвеевич.

Каждый раз, когда под моим председательством рассматриваются дела с участием высокопоставленных лиц города, я попадаю под пресс. Меня поймет каждый судья. Именно по этой причине рассмотрение проступков членов семей шишек на теле городской жизни относится к особой категории. С того момента, как ты берешься за такое дело, весь мир сходится клином в той точке, где в данный момент расположен судья Струге Антон Павлович. От этого тошнит, такое внимание вызывает изжогу, а за настойчивость и нахальство порою хочется не по-судейски, а по-пацански выйти на улицу и набить морду обалдевшим от наглости скотам. Сегодняшний случай из таких. Я не успел дойти до дома, а уже звонят. И не кто-то, а заместитель председателя городской думы.

– Чем обязан, Семен Матвеевич?

– Понимаете, Антон Павлович, вы рассматриваете дело по факту неприятного поступка моего родственника. Сына, если так можно выразиться точнее.

– Семен Матвеевич, вы не могли бы выражаться еще точнее? Яснее, если так можно выразиться.

– Я хотел узнать о перспективах, Антон Павлович.

С одной стороны, почти за девять лет работы это все должно до смерти надоест. Однако если посмотреть на это с другой позиции, то можно давно привыкнуть. У меня эти два противоположных ощущения находились в стадии равновесия. То есть мне до смерти надоело все то, к чему я давно привык.

– Семен Матвеевич, как бы вы отнеслись к тому, если какой-нибудь судья позвонил вам домой около семи вечера и попросил вас похлопотать за свои личные проблемы? Думается, последовал бы ваш звонок Лукину с просьбой усмирить зарвавшегося наглеца-судью. Или второй вариант – вы просите звонить не домой, а прибыть в гордуму, в мэрию в приемные часы. При этом зная, что времени для этого приема у вас все равно не найдется. Так как?

Но логика бонз непробиваема. В смысле, ее невозможно пробить, когда речь идет о них самих. Политика двойных стандартов действует везде. За это я и ненавижу скандальные дела.

– Как вы понимаете, я не последнее лицо в городе. Меня не может не заботить, чем наполняется атмосфера, которая расположена вокруг меня.

Теперь вы понимаете, чем отличается последний человек в городе от «не последнего»? Первый расположен внутри атмосферы, а в случае со вторым атмосфера располагается вокруг объекта.

– Семен Матвеевич, если быть откровенным, мне совершенно безразлично, чем вокруг вас наполняется атмосфера. Я не работаю в Госкомэкологии. Вы взрослый человек, и мне не хотелось бы объяснять вам простые истины... – Я на мгновение задумался, пытаюсь сформулировать мысль о том, что расспрашивать судью о его намерениях человеку, который не имеет на то никаких прав, по меньшей мере несерьезно.

Однако Малыгин оказался проворнее, чем я ожидал.

– Вот вы заговорили о своих личных проблемах, Антон Павлович. Говорите о них смело. Судья имеет право обращаться за помощью. Серьезные люди должны помогать друг другу. Еще не известно, где, когда и кому из нас она понадобится, поэтому всегда нужно быть уверенным в том, что помощь будет оказана. Как у вас в плане жилищного устройства?

Комментировать эту речь не имеет смысла. Даже если бы она была завуалирована, что, кстати, встречается гораздо чаще. И где был этот Малыгин в прошлом году? Когда я написал мэру, что жилищный комитет не выполняет решения районного суда о предоставлении судье Струге отдельной комнаты для улучшения жилищных условий. Попросил выяснить причину этого недоразумения, которое юридическим языком трактуется как «злостное неисполнение решения суда». И за это «недоразумение», между прочим, предусмотрена вполне реальная, а не виртуальная уголовная ответственность. Тишина длится уже пятый месяц. И вот тут, как черт из табакерки, появляется Малыгин. Человек, который к исполнению судебного решения имеет такое же отношение, какое я имею к клонированию овцы Долли. Конечно, мне нужно решить проблему его сына, а он решит все мои проблемы. Причем решит не на словах и без всякого судебного решения. Он сделает все, о чем я его ни попрошу. Купит мне квартиру, замучит на десять лет вперед турпоездками на Средиземноморье, подгонит к подъезду машину и вообще превратит мое дальнейшее существование в земной рай. Может даже прямо сейчас пригнать табор цыган с их «Драда-нуда-нуда-най». Или... Или прямо сейчас доставит в мою квартиру двоих докторов наук, которые со стетоскопами в ушах зависнут над моей любимой овчаркой.

– Закончим этот разговор. У меня есть приемные часы, в которые ко мне волен обращаться каждый. Всего хорошего.

– Струге... Вы, по-моему, не понимаете...

– Дело в том, что как раз именно я все очень хорошо понимаю. В этом проблема моего существования.

Я повесил трубку. В списке «Мои враги» еще одной строчкой стало больше. Подойдя к окну, я закурил и распахнул форточку. Саша опять выскажет недовольство, хотя и сама не прочь иногда выкурить сигарету. Впрочем, она сейчас занята Рольфом, который, по моему мнению, больше симулирует, чтобы привлечь внимание, чем по-настоящему страдает.

Итак, процесс пошел. Точнее, он еще и не начинался. Зато начались движения – неотъемлемая часть каждого мало-мальски серьезного дела. Если бы Артем Малыгин своей «Тойотой» не зашиб насмерть сына владельца всех казино города Альберта Андреевича Измайлова да еще вместе с его девушкой, то все могло быть иначе. Я уверен в том, что если бы после происшествия хоронили бы не Вадика Измайлова с подругой, а среднестатистических терновцев, то Малыгин-папа уже давно все бы сделал. Заплатил родителям потерпевших, как это бывает всегда, огромные отступные, те пришли бы к следователю ГИБДД и сделали заявление о том, что их дети сами нечаянно прыгнули под колеса. Они-де давно высказывали мысли о коллективном суициде. Я это заявляю так уверенно и ответственно: девять лет назад сам был прокурорским следком. Первое время меня такие поступки шокировали, а потом ничего, привык. Привыкаешь ко всему, когда это у тебя перед глазами каждый день. Не шокируют же прозектора выпотрошенные трупы? Почему же следователя прокуратуры или судью должны потрясать выпотрошенные человеческие души? Это что касается убитых. А что касается директора салона по пошиву спецодежды для молодоженов... Тут и говорить нечего. Суперъевремонт помещения, реабилитирующая поездка на Сардинию и пресс купюр в качестве компенсации за моральный ущерб. После такого финала директор сам бы встречал Малыгина-младшего у дверей своей конторы «Рога и амуры».

Но все оказалось не так просто. Папа покойного Вадика Измайлова объявил клану Малыгиных вендетту, сказав, что будущее решение суда для него ничего не значит. Он потерял единственного сына, и теперь игорный бизнес Тернова остался без наследника. У владельцев игорного бизнеса, по статистике отдела по расследованию заказных убийств, самый короткий век. Случись что – кому принимать дела?

А Малыгин нанял охрану, как видно из материалов дела, и теперь сокрушается по поводу случившегося. Сокрушаться-то сокрушается, однако параллельным курсом делает все возможное, чтобы без наследника не остался его бизнес. А бизнес Семена Матвеевича известен каждому уважающему себя терновцу. Огромная строительная корпорация, точно застраивающая старый город новыми жилыми комплексами, разрасталась невиданными темпами. Именно организацию «Стройкомплекс-Азия» должен был унаследовать Малыгин-младший. Он уже три месяца, несмотря на все законные и незаконные протесты противной стороны, находится на подписке о невыезде.

Вот и хочется спросить – что соединило судьбы этих людей в одном месте в один час? Ну, Измайлов с невестой понятно, что делали у салона. Допустим, объяснить можно и присутствие там Малыгина. Но как там могли оказаться Ваня Сериков, племянник начальника ГУВД, и Сергей Басков, именуемый Басей?

Я листаю материалы дела, морщусь от сигаретного дыма и понимаю – последние двое были совсем не рядом с салоном модной одежды. Они находились в добрых пяти сотнях метров от него и остановки. Сколько времени нужно «Тойоте», чтобы на скорости в сто сорок пять километров в час проехать пятьсот метров? Десять секунд. Это ровно столько, чтобы приложить к губам бутылку пива, которую зоркие гаишники нашли в салоне иномарки. Вот и получается, что все связалось воедино посредством одной бутылки пива «Клинское». Если верить наркологу, то, кроме пива, Малыгин в тот день выпил никак не меньше литра водки. Мне бы такое здоровье...

Не стоит всерьез думать о его здоровье, ибо это кощунственно. Не покрыто гипсом у Малыгина-младшего сейчас только лицо. Это единственная поверхность на его теле, которая не почувствовала в момент столкновения встречного удара. Спасателей, которые его вынимали из салона, нужно награждать орденом имени «Кубика Рубика», а врачей больницы представлять к медали «Вышивание крестиком».

Я читаю и читаю объемное дело. Справки, протоколы допроса, ордера адвокатов, постановления... Ходатайства, жалобы и характеристики. Интересно, зачем следователь приобщал их к делу? Потому что ему их несли и несли. Оп-па! Какой уникальный документ! «Характеристика на Малыгина Артема Семеновича. Дана в суд от средней школы № 19». Бьюсь об заклад – он пел в хоре и активно участвовал в спортивной жизни школы. Так пишут всем убийцам, разбойникам и грабителям. Я читал в одной характеристике рассказ о том, как однажды Костя Костин нашел в школе кошелек с деньгами и целый день ходил на переменах по классам и искал хозяина. Нашел и получил за свой человеческий поступок грамоту. В качестве вещественного доказательства прилагалась грамота с печатью школы и подписью директора. Подвиг Кости обозначен восьмым февраля 1985 года, а строчка внизу документа своими крошечными буквами предательски «стучала» мне о том, что сей бланк исполнен на Гознаке тиражом аж в двадцать тысяч экземпляров в 2000 году. Я понимаю учителей, им тоже как-то выживать нужно...

Лучше всего представить, чего хотят стороны, удастся из протоколов допроса и справок с места работы фигурантов дела. И если Иван Сериков, племянник начальника милиции Терновской области, как бы между прочим определяет ущерб в триста тысяч, то Бася в деле фигурирует лишь эпизодически, как статист. Участник того ДТП, из-за которого все, собственно, и случилось. Я знаю, что заявлять ущерб ему в падлу. Он растрясет Малыгиных, младшего и старшего, не мытьем, так катаньем. Не хватало ему помощи в суде искать... Он же не чмо какое. Сам разберется. Вот это меня и тревожит. Его целенаправленная деятельность может привести к тому, что мое дело из одного дела с тремя статьями трансформируется, словно мутант, в какой-нибудь триптих с упоминанием всей особенной части Уголовного кодекса. Отпадут лишь «Нарушения правил международных полетов» и «Незаконная охота». Впрочем, насчет последнего еще можно поспорить. Одним словом, не удивлюсь, если откуда ни возьмись Бася все-таки появится. Причем в самый ненужный момент.

В прихожей раздается звонок. Это прибыла на тревожный зов Настя. Понятно, что не приехать она не могла. Рольф болен?! Какой ужас?! А Рольфик мяса не хочет? Хочет? Нет, Рольфик, только теплое молочко и таблеточку ампициллина в ротик.

– Антон! Иди заставь Рольфа таблетку проглотить!

Ветеринары... Что пихать в пасть сорокакилограммовой собаки, они знают. А как – нет. Отмыв от слюней руки, возвращаюсь к делу.

Все предельно ясно. В деле четыре адвоката, которые со всем рвением будут пить друг из друга кровь на протяжении всего процесса. Вплоть до объявления приговора. Стараясь доказать самому неподкупному из всех неподкупных судей свою правоту, они начнут впрягать в одну повозку коня и трепетную лань. Мне только одно интересно – кто из этих четверых «возьмет» «под меня» первым? Мэтры и стряпчие всей области знают, что подкупать меня бесполезно. Попытки предыдущих экспериментаторов получили такой сокрушительный отпор, что повторять эти подвиги теперь никто из адвокатов не решается. Первый год они говорили, что, пока Струге молодой, нужно брать его за жабры – потом будет легче договориться. Следующие несколько лет рассказывали своим клиентам о том, что «Струге давать деньги бесполезно – подлец, и деньги берет, и «садит». И вот уже три года как нет никаких разговоров. Поступки предыдущих адвокатов разобраны самими потерпевшими и обвиняемыми: выяснилось, кому на самом деле пошли суммы, «передаваемые Струге», уже давно набиты морды и сделаны выводы. Теперь все знают, что судье Струге давать бесполезно лишь по одной причине. Он не берет.

Но это не исключает того, что не возьмут «под него». Об этом я узнаю в первом же заседании. Через час станет ясно, кто из этих стряпчих «взял», сколько и подо что. Обычно эти адвокаты занимаются очковтирательством, и первым шагом в этом направлении является убеждение подсудимой стороны в том, что их жизнь закончена, если они не прислушаются к голосу разума. Голос разума, по их мнению, – это голос их, адвокатов. И они с тревогой в этом голосе рисуют самые страшные картины, называют ужасные сроки, лет эдак в восемь, склоняя подсудимых и их родственников к мысли о том, что самое лучшее, «если удастся договориться с судьей года на четыре». А судья по закону не может «дать» больше четырех! И счастливые родственники с легким сердцем «разгружаются» еще на пару-тройку сотен тысяч, молясь на своего адвоката и с трепетом принимая из его рук его визитную карточку. Вы позволите к вам обратиться еще раз в случае беды?! Боже, какое великодушие! Есть еще в стране честные адвокаты!

Ладно, пора на сегодня ставить точку. Дело изучено. Хотя не со всею скрупулезностью, но все-таки прочитано. Углубиться в него все равно удастся лишь в начале заседания. Вот теперь вопрос – на какой день его ставить?

Я полистал свой календарь. Через десять дней у меня освобождается «окно». Сегодня останется написать постановление о подготовке дела к судебному заседанию, завтра дать Алле указания на рассылку всех необходимых запросов и... И – поехали, Ваша Честь. Процесс долгий и, как я понимаю ситуацию, не самый простой в психологическом плане. Первый звонок поступил уже сегодня. Если начать считать все подсечки, которые я почувствую до начала первого заседания, то сойбюсь со счета.

Итак, что там у нас происходит на кухне? Так... Находящийся в коматозном состоянии Рольф с присвистом жрет мясо.

– Антоша, ну он же голодный... Двое суток ничего не ел. – Глаза Саши настолько наивны, что я на мгновение даже сам поверил в то, что мой овчар не прикидывался больным.

– Саша, ты, наверное, помнишь, что этот лохматый негодяй делает так всегда, когда чувствует одиночество?..

– Господи, Антон! Посмотри, как он оголодал! На этот раз он и вправду болен!

Я с сомнением посмотрел на кобеля. Хитрая бестия всегда таким способом вымогает ласку, а взрослая женщина идет у него на поводу. Это происходит всегда. И я точно знаю, что, заглотив все мясо, «немец» разыграется и вновь превратится в здоровяка.

Но пес поел, оставив в миске несколько кусков жилки, и улегся рядом все с тем же стоном. Кажется, он и вправду приболел. Накапав ему в пасть, по совету Насти, какого-то «иммунала», я отправился в душ. Буду очень признателен подруге жены, если та уйдет до того, как я выйду из ванной.

А завтра у меня очень трудный день. Он труден тем, что во вторник у меня приемные часы.

Глава 3

У меня хорошая жена. Никогда не вмешивается в мои дела, рассказывает о своих только тогда, когда я готов ее выслушать, и, что самое главное, готовит по утрам завтрак. Нам нечего с Сашей делить, потому что мы уже давно разделили пополам главное – любовь. С судьей очень трудно жить человеку, не понимающему внутреннюю жизнь своей второй половинки. Раздоры в таких семьях возникают по причине того, что судьи, приходя домой, продолжают переживать прошедший день острее, нежели кто-либо другой. Тяжелейшая ответственность, покаявшаяся на их плечах, продолжает давить и тогда, когда они возвращаются в семью. Многие к этому оказываются не готовы. И судья остается один. И, поверьте мне на слово, при данных обстоятельствах он начинает чувствовать себя гораздо лучше. Я прошел эту школу от начала до конца. С Сашей все оказалось гораздо проще, чем я себе представлял. Обжегшись раз на молоке, потом всю жизнь будешь дуть на холодную воду. Однако в тот день, когда спустя много лет я встретил свою бывшую сокурсницу Сашу Евсееву, ныне – Струге, я опроверг эту народную мудрость.

Завтрак, как обычно, был готов без четверти восемь. У нас ровно пятнадцать минут на то, чтобы между глотками горячего кофе и уничтожением бутербродов наметить план на сегодняшний день. Она заплатит за квартиру и переговорит в своем банке о враче для Рольфа, я вечером, по приходе домой, размораживаю мясо. От каждого по уму и способностям, каждому – по потребностям.

Уже у лифта я вспомнил, что забыл сигареты. Привычка дурная, но, если не вернуться, я до обеда останусь без своих «Кэмел». Сегодня у меня приемный день, и посылать Аллу за сигаретами в киоск – моветон. Она не денщик, а сотрудница. И я вернулся, чмокнув Сашу у самых дверей лифта. Теперь мы увидим друг друга лишь вечером.

Сунув в карман пачку и зажигалку, я направился в прихожую. Как и любой человек в такой ситуации, я раздумывал над тем, что я мог позабыть еще. Эти размышления прервала резкая телефонная трель. Никто из знакомых и близких мне людей в это время звонить не станет. Им очень хорошо известно, что в эти минуты меня в квартире уже нет.

Поднять трубку? Любопытство победило. Я бросил на коридорную тумбочку сумку с делами и прошел в комнату.

– Слушаю вас.

– Антон Павлович?.. Здравствуйте. Я прошу прощение за столь ранний звонок. Это начальник ГУВД Смышляев.

Расплата за любопытство. Она всегда приходит тогда, когда не хочешь что-то делать, но вопреки здравому смыслу все-таки делаешь. Все идет по накатанной, давно знакомой мне колее. Я не предполагал лишь, что все папы мне начнут звонить именно домой. Вероятно, их логика позволяет сделать вывод о том, что если я разговариваю в домашней обстановке, то из «судьи Струге» преобразуюсь в «своего судью Струге». Это неверно. Но многие этого не понимают.

– Доброе утро, Алексей Петрович. Слушаю вас внимательно.

– Тут такое дело...

– Уголовное, – подсказал я.

– Да! Я бы хотел переговорить с вами.

– Пожалуйста. У меня как раз сегодня часы приема. До шестнадцати. Позже я не могу, у меня работа.

– Антон Павлович, я бы хотел поговорить во внеслужебной обстановке. В спокойной, так сказать...

– Вы полагаете, что я в кабинете корчу рожи и бью в бубен?

«Ха-ха» в трубке – это вынужденная реакция на мою реплику. Однако не только я в городе знаю, что у Алексея Петровича большая проблема с чувством юмора. Тем не менее проблема у него не только с этим. Читая документы отдельных своих подчиненных и встречая в протоколах фразы наподобие – «пнул пинком под зад» или – «трахнул поллитрой о калган», Алексей Петрович воспринимает их как естественные и подчиненных не журит. Многого стоит и его уличное интервью телевизионщикам после убийства одного из местных бизнесменов. Кто-то из столичных репортеров, кто знает Алексея Петровича в лицо вовсе не обязан, попросил Смышляева представиться. И на всю Россию-матушку Алексей Петрович, наш первый в области милиционер, выдал:

– А ты меня что, не знаешь?! Едрена мать!!

Поэтому судьи в райсудах, получая материалы о мелком хулиганстве граждан, уже не удивляются, когда подчиненные начальнику ГУВД милиционеры приносят в суд документы, в которых говорится, что «гражданин Фунтиков стоял выпимши и ссал на угол здания Биржи труда, оскорбляя тем самым человеческое достоинство».

Кое-как распрощавшись, понимая, что этот звонок Смышляева далеко не последний, я положил трубку и поспешил на работу. Интересно, а в каком таком «тихом» месте предлагал встретиться Смышляев? И не хотел ли он, как бы между прочим, судью к себе в кабинет вызвать? А что, такой случай на моей памяти есть. Один из представителей «Единства» мне так и сказал: «Ладно, это не телефонный разговор. Давайте подъезжайте ко мне, на месте и определимся». Я и определился. На месте. В соответствии с ныне действующим законодательством.

Когда в Тернове метро построят? Наверное, начнут тогда, когда население перевалит за миллион.

Поэтому все девять лет – только автобусом. Коммерческим, где тариф за проезд пять рублей. В тот момент, когда передо мной распахиваются его двери, мое служебное удостоверение теряет последнюю ценность. Я уже даже не помню, когда, кому и по какому случаю я предъявлял сей мандат. Кажется, это было в Москве, в тот день, когда я прибыл в командировку. Удостоверение понадобилось, чтобы получить забронированный на меня номер в гостинице «Комета». А в целом это совершенно бессмысленный и ненужный документ. Ни для меня, ни для окружающих.

Транспортный прокурор Вадим Пашенко последние два года журит меня за то, что я не покупаю себе машину, а езжу и толкаюсь с теми, кто приходит ко мне на процессы. В чем-то он, конечно, прав. С одной стороны, это мало приемлемо по той причине, что в представлении большинства граждан судьи – неприкосновенная элита общества. И трудно к судье относиться как к человеку, способному свысока решить твою проблему, если в автобусе одни и те же ноги топчут обувь тебе и судье. Как может правильно рассудить человек, ущемленный в том же самом месте, что и ты? Однако эти послы Пашенко следует направлять не в мою сторону, а в сторону тех, кто заставляет судей ездить в автобусах. Хотя я в этом ничего предосудительного не вижу. Вместе с тем, едва представляю себе судью из штата Вашингтон, следующего на работу в подземке, становится смешно. Я могу позволить себе купить сносную по качеству «шестерку» и правами на ее вождение обладаю. Однако едва подумаю о проблемах, которые свалятся на мою голову, как сразу же отбрасываю эту идею в сторону. Видно, мой час еще не пробил.

Эту дорогу до суда я знаю до мелочей. Сейчас появится плакат с уверениями в том, что «Орифлэйм» – это кратчайший путь к красоте. Сразу за ним откроется широкая панорама остановки «ДК имени Свердлова». Широкая в том смысле, что не хватает взгляда, без поворота головы, чтобы охватить всю массу людей, ожидающую транспорт. Потом, едва автобус оторвется от этого грибка, наступит пора продвигаться к выходу. Ровно через три минуты двери откроются и знакомая кондукторша голосом известной эстрадной дивы нараспев пропоет – «А-астановка «Районный суд»! Ра-асплачиваемся на выходе!»

Утро нашего судейского коллектива расписано по минутам. Мы прибываем в суд в одно и то же время. Сейчас я выйду и тотчас увижу спину Марии Антоновны Розановой – главного специалиста нашей канцелярии. Она с ног до головы покрыта какой-то тайной. Мало этого, она и жизнь других пытается обволочь пеленой загадки. Причем там, где это совершенно не нужно. Перед нашим ежемесячным денежным вознаграждением за труды она подходит к каждому судье и говорит:

– Завтра после обеда будет зарплата. Вы только никому не говорите.

Я ей обещаю не говорить и никому не говорю. Потому что не вижу в этом смысла. Зарплату нам выдают каждый месяц пятого и двадцатого числа. Об этом знает каждый судья, и я выглядел бы полным идиотом, если бы кому-то из них об этом сказал.

Когда я подойду к крыльцу, то обязательно услышу за спиной голос – «Здравствуйте, Антон Павлович!». Это Алла. Я ей в очередной раз напомним о том, что прибывать на работу после судьи – признак невоспитанности и наследия дурных генов. А она в очередной раз поклянется больше этого не делать.

Однако сегодня никого из упомянутых лиц я на улице не увижу. Я опоздал к действию, но не опоздал на работу. Стрелки моих часов указывают на то, что до начала моего рабочего дня еще десять минут. В девять начнется самый нелюбимый день недели. Вторник. Прием граждан и заслушивание жалоб.

Алла уже закончила ежедневный церемониал покраски и вполне служебным голосом сообщила мне, что за дверями кабинета «толпа» жаждущих встречи со мной граждан. Складывается впечатление, что я не вошел через эти самые двери, а проник в кабинет через наше окно третьего этажа. «Толпу» я различил очень хорошо. Более того, она сама о себе напредила, двинув свою массу в мою сторону. Но больше всего меня интересовали не шесть первых граждан, которые хотели пообщаться со мной с утра пораньше, а две фигуры, «отсвечивающие» в коридоре всем своим великолепием. Эти фигуры считали невозможным для себя тусоваться среди обычных граждан, но и стоять рядом друг с другом также не могли. Поэтому, что свойственно антагонистам, находились в противоположных концах коридора. У окна, подавляя унижение и скорбь от того, что ему приходится быть со всеми в очереди, стоял Семен Матвеевич Малыгин. Не заметить его громоздкую фигуру на фоне начинающего голубеть неба было просто невозможно. А с другой стороны коридора мерил шагами пространство полковник милиции Владимир Сергеевич, первый заместитель Смышляева.

Эти двое посетят мой кабинет первыми. В этом сомнений нет. Оставалось лишь гадать на гуще приготовленного Аллой кофе – кто первым из них. Я поставил на Семена Матвеевича и проиграл. Ровно без трех минут девять в кабинет вошел полковник. Мне интересно, как Владимир Сергеевич Пермитин, первый заместитель начальника ГУВД Смышляева, умудряется сдавать ежегодно принимаемые зачеты по физической подготовке среди руководящего состава? И как ему удастся подтянуться на перекладине положенные десять раз и пробежать километр асфальтовой дороги за четыре минуты? Я как-то раз попал на эти зачеты и проводимые параллельно с ними соревнования по рукопашному бою. Оказался я там совершенно случайно. Меня затащил туда Пащенко. Затащил и попросил посмотреть у ринга на бои, пока он выясняет у председателя ДСО «Динамо», как в малокалиберной винтовке отморозка, расстрелявшего локомотив электрички, оказались патроны этого милицейского добровольного спортивного общества.

А мне эти старательные попытки искалечить коллег по работе никогда наслаждения не доставляли. Боксеру с десятилетним стажем, мне всегда претило участие в соревнованиях подобного рода дилетантов, вытолканных на ринг силой приказа. В таких соревнованиях грамоты достаются всегда одним и тем же. И одни и те же, в свою очередь, отправляются лечить свои покалеченные организмы на «больничные». Ничего хорошего, кроме разочарования, эти соревнования не приносят.

На третьем по счету бое я вяло махнул рукой и пошел к выходу, искать Пашенко. Оказавшийся свидетелем моего откровенного жеста Пермитин Владимир Сергеевич, которого я, собственно, сейчас и вижу в своем кабинете, воспринял мое движение по-своему.

– А что, районным судьям слабо сразиться? Или мы для вас недостаточно подготовлены? Вне конкурса, Антон Павлович, а?

Я просто ответил, что не хочу участвовать в избиении младенцев. И это вызвало среди милиционеров такую бурю негодования и свиста, что я остановился. Милиционеры не любят судей. Они их считают по меньшей мере предателями. Милиционеры всю свою жизнь и здоровье вкладывают в поиск бандитов, а судьи потом тех отпускают. С данным заявлением я согласен лишь отчасти. Да, продажные судьи есть, и отрицать это бессмысленно. Точно так же, как есть и продажные милиционеры. Но в основном ответственность за такие казусы лежит на самих стражах порядка. Поймать могут. Доказать вину – не всегда.

Я тогда вздохнул и попросил добровольца. Понятно, что вызвался не тот, кому грозило прерывание практики службы в связи с «больничным». Пришлось выйти на ринг и научить юношу уважать возраст и ветеранов бокса. Через две минуты собровец остался лежать на ринге с подвернутыми ногами, а я снимал перчатки. А что делать? Нужно же как-то рядовому судье зарабатывать авторитет у силовых структур! Одними приговорами сыт не будешь... Зато теперь мне достоверно известно, что бойцы СОБРа именуют меня не иначе как Антоныч. Не бог весть, конечно, какая заслуга, зато зримо поубавилось пересмешников. Комментариев после столь короткой схватки не последовало, как не последовало и желания взять реванш. С тех пор, думается, Владимир Сергеевич меня очень хорошо запомнил.

– Я прошу прощения, Антон Павлович, позвольте на минуту? – Это уважение в глазах мне импонирует. – Меня Алексей Петрович Смышляев попросил подъехать к вам.

Я же говорил...

– Понимаете, в чем дело, Антон Павлович... – Полковник молниеносно расстегнул пуговицы служебного бушлата и так же молниеносно сел на стул. – Дело в том, что ГИБДД ГУВД в ДТП на проспекте Ломоносова признало виновным гражданина Малыгина...

Однако каковы обороты речи?! Прелесть. Уважаю людей, экономящих время собеседника.

– ...а тот за время следствия успел переоформить все свое имущество на посторонних лиц. Таким образом получается, что возмещение ущерба в триста тысяч рублей, заявленное гражданином Сериковым, ставится под вопрос.

Я покачал головой: «Ставится».

– Рассмотрение иска, заявленного гражданином Сериковым в гражданском порядке, приостановлено в связи с рассмотрением дела вами.

Я мотнул: «Приостановлено». Видя визуальные признаки понимания проблемы, полковник Владимир Сергеевич Пермитин воодушевился.

– Таким образом, виновник аварии Малыгин может запросто не понести гражданскую ответственность в виде компенсации ущерба. Получается, что он не имеет никакого имущества, которое могло бы быть арестовано! Он не хочет платить! И по закону может не заплатить!

Мне вновь пришлось отхлебнуть кофе и качнуть головой – «может и не заплатить». Я обожаю людей, которые сами ставят вслух проблему, задают себе вопросы и сами находят на них ответы.

– Поэтому Алексей Петрович хотел узнать, что вы намерены предпринять, чтобы не допустить этого вопиющего факта попытки уйти от ответственности.

Я поставил кружку на стол.

– Владимир Сергеевич, я давно хочу у вас справиться. Вы, собственно, кем приходитесь Ивану Александровичу Серикову?

– Понимаете, Алексей Петрович попросил меня узнать, как обстоят...

– А Алексей Петрович Смышляев кем приходится Ивану Александровичу? – Этот вопрос родился автоматически, когда я догадался, что Пермитин совершенно не врубается в смысл моего первого вопроса.

– Как кем?! – отшатнулся от меня, как от чумного, полковник. – Дядей!..

Последнее слово он произнес с таким шипением, что я побоялся, что на меня сейчас выплеснется яд.

– А Иван Александрович что, недееспособный?

– В смысле?

– Я спрашиваю – Иван Александрович что, не в силах самостоятельно прибыть в суд, чтобы обратиться к судье с вопросом? Он не в силах ходить, он потерял рассудок и не может оценивать ситуацию реально? Почему за него ходят хлопотать люди, которые не имеют к уголовному делу никакого отношения? Мне вот этот нюанс неясен.

– Антон Павлович... – Видя, как Алла вострит ушки, полковник перешел на заговорщический шепот. – Вы поймите, Алексей Петрович Смышляев человек положения, которое обязывает его...

– А при чем тут начальник ГУВД? – зашептал я. – Мы ведь о «Мерседесе» Ивана Александровича Серикова говорим. А он не начальник ГУВД. А если бы он был им, меня его положение все равно бы ни к чему не обязывало.

Очевидно, Пермитин был предупрежден о моей «отмороженности», поэтому разозлился не сразу. Он еще некоторое время пытался меня образумить. В ход пошли испытанные методы, как то: предупреждение о том, что все мои последующие проблемы, связанные с линией ГУВД, будут решаться быстро, в один час, и, естественно, в мою пользу: напоминание о том, что Алексей Петрович не из тех, кто забывает о долге; и, наконец, открытое предложение вознаграждения. Алла к этому моменту, повинувшись моему жесту, вышла, поэтому она не могла стать свидетельницей того, как ее шефу предлагают трехкомнатную квартиру в центре Тернова. Как раз на проспекте Ломоносова.

– Откуда такое несоответствие? – изумился я. – Ущерб составляет триста тысяч, а награда за его возмещение – около миллиона?!

На лице Пермитина застыла гримаса мучительного молчания. Понятно... К Семену Матвеевичу Малыгину, зампреда законодательного собрания Тернова, у Алексея Петровича Смышляева, начальника ГУВД области, имеется свой счет. Интересно, в чем он измеряется? Рублями, равновесием сил в думе или обидой из далекого детства, когда Семка отобрал у Лешки совок и дал ему того самого «пинка под зад»?

– Сожалею, что разговор не состоялся.

Я выпрямился в кресле, а полковник озадаченно посмотрел на Георгия Победоносца, колющего змея на гербе за моей спиной. Кажется, он тоже о чем-то сожалел.

Как-то многозначительно произнеся «до свидания», хотя я его не ждал в ближайшем будущем, он медленно поднялся и так же медленно вышел. Обещая неприятности судье, некоторые хлопают дверью так, что осыпается известка, а другие нарочито аккуратно щелкают замком. Владимир Сергеевич Пермитин, заместитель начальника ГУВД Терновской области, относился ко второй категории. Он обиделся не потому, что я ему отказал. Он обиделся, потому что я не воспринял его как сторону, допустимую для подобных переговоров.

Вторым посетителем был, понятно, Семен Матвеевич Малыгин, отец человека, который, напившись до скотского вида, убил двух молодых людей. Он вошел враскачку, как и положено высокому гостю. И, как и положено мужчине, занимающему высокий пост, он не счел нужным пропустить вперед себя женщину. Секретаря Аллу, которая по привычке хотела проскользнуть впереди него. По ее слегка растерянному взгляду я догадался, что она в полном недоумении. Она не могла вспомнить ни единого случая, чтобы судья-мужчина не пропустил бы ее вперед себя...

Глава 4

Ну, в самом деле, чего я так напрягаюсь? Кто в здании мэрии секретарь? Пустышка и подсобный рабочий, на которую и внимание-то обращать грех. Секретарши в мэрии нужны для различного рода услуг, связанных с их функциональными обязанностями лишь на треть. Колбаски порезать, чаек заварить. Алла тоже это делает, однако я ее никогда не прошу об этом. И если она этого не сделает, то этот поступок я не восприму как чудовищное неуважение. А еще секретарши в градоуправлении Тернова нужны для того, чтобы отвечать по телефону и говорить, что «Иван Иванович занят», на выезде, на совещании и т.п. Я так смело рассуждаю, потому что не далее, чем полгода назад, обегал все кабинеты мэрии в поисках справедливости. Все с той же квартирой. Меня отсылали из кабинета в кабинет, просили посидеть в коридоре на стуле. И я сидел. Иногда по два-три часа. Здравовался со знакомыми гражданами, которые изумлялись, видя судью Струге с бумажкой в руке в очереди. В этом, кстати, я ничего унижительного не вижу. Мне не зазорно посидеть на стуле перед дверями очередного бюрократа. Унижительно становится тогда, когда слышишь, как в одиннадцать часов дня через дверь доносится хлопанье. Это чиновник пьет чай. Между тем его секретарь раздраженно поясняет, что у «Ивана Ивановича совещание и таких, как вы, у него сотни». Потом Иван Иванович выходит и скользяще-осовевшим взглядом окидывает коридор. Именно – «скользяще-осовевшим», выражающим максимум презрения к любому, кто находится под его дверями. Если ему не позвонили и не сказали, что прибудет важный гость, Иван Иванович будет хлебать чай и бродить по мэрии весь день. Я его понимаю. Каждая бумажка, принесенная Ивану Ивановичу, председателю комитета по жилищным вопросам, является судебным решением. И если принимать всех, то всем нужно выделять жилье. А такого распоряжения мэр не давал.

Я отбыл этот номер от начала до конца, чтобы впитать в себя все чувства, которые впитывает «кидаемый» таким образом гражданин. В конце концов, при принятии того или иного решения судья не только обязан руководствоваться Законом, но еще имеет право проявлять собственное волеизъявление. Главное, чтобы оно не расходилось с тем самым законом. Вот такие сидения под кабинетами и ходьба по коридорам в достаточной степени могут выработать у судьи определенное мнение в принятии тех или иных решений.

Я не мшу ни Смышляеву, ни Малыгину. Мне они безразличны, как вода, бегущая по камешкам в лесу. Они для меня лишь часть работы. Они создают себе проблему, я ее разрешаю. Я обязан это делать и делаю. И всегда приму их, и не заставляю ждать под дверью, пока не напьюсь кофе, приготовленного моей секретаршей. Но это не единственное различие. Я всегда поступаю по закону.

Невероятно, но именно это является самой неразрешимой задачей для многих государственных мужей. Но самое смешное заключается в другом. Я использую закон, принятый этими же государственными мужами, и свою тупость они начинают понимать лишь тогда, когда я сужу их по придуманным ими же законам.

Семен Матвеевич не был похож на человека, уверенного в себе. Раздавлен и смят, как кукла после наезда гусеничного трактора. Его одутловатое лицо и мешки под глазами говорили о том, что три месяца следствия для второго человека в думе не прошли мимо него. Я его понимаю. Единственный сын, ради которого он жил, находится, во-первых, в больнице, во-вторых, под следствием. Обвиняется в непреднамеренном убийстве двоих человек. То есть он не хотел, но все-таки убил. Наверняка Семен Матвеевич уже пролистал Уголовный кодекс, посоветовался с юристами и нанял самого лучшего в городе адвоката. Однако, несмотря даже на такие меры предосторожности, он спокойным остаться не мог. Ему уже объяснили, что подобный прецедент – не снос фонарного столба. И за это, при всем уважении к нему, отвечать придется.

Случай на самом деле уникальный. Тот случай, когда невозможно договориться ни с родственниками потерпевших, ни со свидетелями. Все упомянутые находятся в политическом, социальном и финансовом противоречии друг с другом. Причем в противоречии непримиримом, без компромиссов. Ситуация усугубляется еще и тем, что дело попало в руки судьи Струге. Когда в суде вяжется подобный гордиев узел, Лукин всегда отдает дело мне. Меня легче убить, нежели склонить к мнению, мною не выношенному. К слову нужно заметить, такие попытки развязывания подобных узлов уже имели место быть. И чем дольше не удастся подломить мои колени, тем прочнее в головах отморозков оседает мысль о том, что это бесполезно. Есть вещи, к которым привыкаешь. Можно привыкнуть к постоянной болезни, недомоганию, стрессу. Точно так же можно привыкнуть и к судье Струге. Я для них – тоже отморозок. Только, в отличие от своих оппонентов, я на эту характеристику не обижаюсь, а горжусь ею.

Тяжело опустившись на стул, Малыгин положил бобровую шапку и разгладил волосы. Вы никогда не замечали этот жест больших деятелей? Если деятель тщательно расчесывается расческой и водит вслед за ней ладонью – он готов к коллизиям сегодняшнего дня и уверен в своем могуществе. Если же поправляет волосы рукой – он в трансе. Его психика прибита гвоздями обстоятельств к тому самому месту, где он сейчас находится. Я знаю все жесты великих людей города Тернова и готов написать об этом книгу. Если она кому-то нужна...

– Слушаю вас, Семен Матвеевич.

Он снова пригладил волосы и уткнулся в меня ватным взглядом.

– Вы простите, что я вам вчера домой позвонил. – Малыгин вздохнул, и его извинение показалось мне искренним. – Я знал, как вы все воспримете, но все равно позвонил. Не нужно было этого делать.

– А что означает ваша фраза: «Вы не понимаете»? Чего я не понимаю?

– Артем виноват лишь в том, что сел за руль нетрезвым...

– Вообще-то, мне сейчас трудно что-то вам на это ответить. Я еще не видел ни одного из участников того инцидента. Однако не выслушать вас я не могу. Вы вольны предполагать все, что сочтете нужным. Другое дело, что отреагировать на это для меня пока не представляется возможным. Следствие закончено, его материалы у меня. Будем разбираться.

– Да кто его проводил, следствие-то?! Они и проводили! – Малыгин мотнул головой в направлении двери, в которую минуту назад вышел Пермитин.

– Ничего удивительного. У нас в стране следствием занимаются следственные органы, организационно входящие в состав ГУВД. В конкретном случае над расследованием причин смерти двоих человек трудился следователь следственной части.

– Одна контора!..

Я бы хотел послушать эти высказывания в тот момент, когда эта «одна контора», а точнее, ее высшие чины, вместе с депутатами из гордумы празднуют за одним столом каждый праздник! День милиции, День прокуратуры, День Конституции... Там, в элитных кабаках, они себя ведут как-то более сплоченно, демонстрируя всему городу подтверждение того, что власть едина и сильна. Но эта сплоченность рушится в одночасье, когда затрагиваются личные интересы кого-то из них!

Черт! Меня второй день преследует злость! Злость, которой не должно быть и близко! Гнев и жалость – вот два чувства, которые не должны повелевать тобой в тот момент, когда на твоих плечах мантия! Их не должно быть!!

И я давя эту злость, глядя под стол, в урну. Мой самый первый председатель, замечательная женщина, как-то посоветовала мне: если начинаешь злиться и терять объективность – посмотри под стол и досчитай до десяти. Пусть в этот момент будешь выглядеть несколько несуразно, зато никогда не ошибешься!

Неужели эти боссы, связанные одной цепью и находящиеся у одной кормушки, не смогли за три месяца собраться и решить все свои проблемы? Из всех этих воротил городской жизни

я понимаю лишь Измайлова, который потерял в автокатастрофе сына! Вот он сейчас, в обход всех православных канонов терпимости, должен мстить и рвать в клочья небо, забыв о всепрощении. Его я пойму по-человечески, но рассужу по закону. А кто из страдальцев сейчас ходит ко мне? Смышляевские гонцы, по факту помятости «Мерседеса»! Нельзя было решить этот вопрос вне стен суда? Малыгин что, не в состоянии заплатить потерпевшим?! Бред!

На данный момент порядочнее всех выглядит законченный негодяй Бася, который до сих пор не предъявил материальный иск за свой отрихтованный «Лексус»! Я не сомневаюсь, что его гниль еще побежит впереди его разума, но пока он не лезет в суд со своим ущербом, поскольку речь идет о двоих убиенных!

Если бы я сейчас выступал не от имени страны, а рулил властью по понятиям, я рассадил бы всех дельцов, включая Баскова, за круглый стол, и распрямил бы ситуацию в два счета. Ты платишь этому, ты – тому. А ты, родной, на самом въезде на Терновское кладбище устанавливаешь из черного мрамора памятники двум невинным и подводишь к мемориалу вечный огонь! Сойдитесь в суммах и услугах и разрубайте этот узел к чертовой матери!!

Но если бы я хотел так судить, я стал бы криминальным авторитетом. Меня бы уважали и на каждый подобный суд возили под охраной трех черных джипов. И слушались бы они меня, как бога! Но я иду другим путем. Своим богом я избрал закон. А двум богам, как известно, служить нельзя.

– Чего же вы от меня хотите, Семен Матвеевич? Сомнения в законности проводимых ГИБДД следственных действий нужно было высказывать следователю или прокуратуре, а не мне.

– Артем виноват лишь в том, что сел пьяным за руль, – как сомнамбула проговорил Малыгин. – Вы не понимаете...

Опять эта фраза.

– Чего я не понимаю? Чего именно? Что ваш сын сбил двоих людей в пьяном виде? Я это понимаю. Что он виноват в том, что сел пьяным за руль? Это я тоже понимаю. В чем загвоздка, Семен Матвеевич?

Малыгин издал такой протяжный и нервный вздох, что я испугался, что он окажется последним. Мне еще инфаркта в кабинете не хватало!

Зампредседателя чего-то недоговаривал. Чего? Глядя, как он поднимается и опирается на мой стол так, что со столешницы соскальзывает флажок с триколором, я впервые подумал о событиях, которые могли быть не отражены в материалах следствия. Пермитин в качестве оплаты за услугу предлагает от имени начальника ГУВД квартиру, стоимость которой превышает тридцать пять тысяч долларов. Это при наличии ущерба в десять тысяч. И молчит о причинах такой неравноправной сделки. Вряд ли это от неумемного желания видеть торжествующее правосудие. А Малыгин твердит, как оглушенный попугай, – «вы не понимаете», «вы не понимаете».

Конечно, я ничего не понимаю. Если бы я что-то понимал в этой жизни и законах существования в ней, то за жилплощадью обратился бы не в жилищный комитет мэрии, предполагая, что поступаю верно, а к начальнику ГУВД. И когда не мог правильно обосновать свой приговор, обращался бы не к комментариям Верховного суда, а к Басе.

– Артема напугали, Антон Павлович, – выдавил Малыгин. – Его напугали на дороге. Его жизни угрожала опасность, он спасал жизнь... Если бы он был трезв, этого не произошло бы. Я вам клянусь. – Малыгин грохнул рукой о стол так, что Алла вздрогнула и выронила ручку. – Говорил же мерзавцу – пьяным за руль не садиться!! Говорил же!.. Натворят делов, сопляки, а ты развози этот назем по всем инстанциям!

Это уже ближе к теме, нежели утверждение, что я ничего не понимаю. Впрочем, я и сейчас ничего не понимаю. Кто испугал бедного Артошу? Кому пришла в голову гнусная идея пугать сына человека, приближенного к мэру и губернатору? Мне бы вот, например, не пришла.

И Алле бы не пришла. Ей сейчас не может прийти в голову мысль даже о том, как поднять с пола ручку при такой юбке, чтобы это выглядело более-менее пристойно. Кажется, у нас в суде соревнование среди секретарей – кто прибудет на работу в самой короткой и узкой юбке. При этом я не могу понять, кого они соблазняют. Я для Аллы не мужик. А если это так, то, зная ее, я могу утверждать, что в других судьях она мужиков не видит тем паче. Может, у девочек свои проблемы?

– Семен Матвеевич... – Я поморщился. – Мне вот этот назем тоже ни к чему. Вы загадываете загадки, а я не хочу их разгадывать. У меня есть уголовное дело, в котором есть ответы на все вопросы, а заниматься спиритизмом и белой магией... Знаете, это не по существу. Чего вы хотите?

– Вы сами все поймете. Когда начнете вызывать свидетеля побитого «Лексуса». Он почему-то иск о возмещении ущерба Артему не предъявляет. Интересно, почему?

Некоторое время Малыгин совсем не по-зампредседательски мялся, мучаясь какими-то сомнениями, потом выдал:

– Знаете, откровенно говоря, я сначала расстроился, когда узнал, что дело передали вам. И пытался решить вопрос в облсуде.

– Какой вопрос? – улыбнулся я, ожидая, что на это ответит Малыгин.

Но он оказался честен.

– А чтобы дело передали другому судье, – невозмутимо ответил он. – Но потом передумал. Может, так оно будет к лучшему.

Я не стал уточнять, что «оно» именно. На него и так было жалко смотреть. Он вышел, попрощавшись, а я вновь подумал о том, как мало и как много в жизни таких людей может изменить простой судья. Меня никто не замечает, когда я решаю свои проблемы. И начинают обо мне думать, когда дело касается их самих. Малыгин не дурак, он знает, что переломить меня о колено не удастся ни Смышляеву, ни Измайлову, ни ему самому. Но, в отличие от начальника ГУВД, он не направляет ко мне полномочных представителей с липкими предложениями. Он просто высказал вслух удовлетворение тем, что дело попало ко мне. Значит, второе лицо городской думы, при наличии на руках самых слабых карт из всех участников, уверено в том, что приговор будет справедлив. И он его устроит. Он хотел, чтобы я это понял. Так и вышло. Ничего не сказав мне по существу, он объяснил мне все. Вряд ли он ушел бы, если бы не был уверен в том, что цель визита достигнута.

Меня привела в чувство телефонная трель. Я вскинул голову и увидел вопросительный взгляд своего секретаря: «Следующего приглашать?»

«Тайм-аут!» – показал я Алле и поднял трубку.

– Что-то ты совсем меня забыл! – Возмущенный голос Пашенко разрезал не только мой слух. Алла приблизилась к старенькому серванту, в котором у нас хранились бланки, и стала наводить там порядок. Порядок у нее был во всем, она наводила его каждый день, поэтому истинной причиной ее усердия было то, что сервант стоял почти у самого моего стола. Это позволяло слушать разговор без всяких помех.

– Минутку! – Я прикрыл трубку рукой и повернулся в сторону изумительно стройных ног: – Аллочка, сходи к Марии Антоновне, подсчитай все карточки, что мы сдали в этом квартале.

Теперь около четверти часа можно говорить без свидетелей. Но это время придется урезать до трех минут, потому что за дверью стоят люди.

– Я говорю – что-то ты совсем меня забыл! Придержал транспортный прокурор.

– Вадим, дел по горло! У меня ко всему вдобавок день сегодня приемный. Я уже из ритма выбиваюсь.

– А ты не напрягайся так сильно. Орден «За заслуги перед Отечеством» тебе все равно не выпишут. У меня дел не меньше, однако я друга детства не забываю. Как чувствуешь себя после московских каникул?

– Неважно. Но лекарство от хандры мне уже подкинули. Сын Малыгина в течение пятнадцати секунд разбил три машины и убил двоих человек.

– Что?! Опять?!

– Что значит – опять? – растерялся я.

– Он же в декабре прошлого года задерживался за то же самое...

– И ты полагаешь, что он уже отсидел за старое? – Я рассмеялся, подумав о том, каким глупым может оказаться в разговоре умница Пащенко, если его загрузить работой, как мула. Это он мне говорит, что не нужно напрягаться?! – Я начинаю понимать, кто у нас стремится стать орденоносцем!

Пащенко вздохнул:

– Да, есть маленько работы. То есть столько работы, что уже маму теряю... Слушай, Антон, тебя кто-нибудь уже напрягал?

– Не успеваю мусор подметать. А что?

– Ничего. У всего этого коллектива странная завязка. У меня сейчас лежит дело о попытке незаконного вывоза раритетов. Пятьдесят четыре иконы семнадцатого-восемнадцатого веков не по своей воле пытались покинуть границы области. Но их слотошили на нашем таможенном посту бдительные таможенники. Сопроводительные документы в Прибалтику, опись, все чин чинком. В бумагах говорится, что раритеты едут на выставку, а в Риге о выставке ни сном ни духом. Опера из таможни эту тему пробивали...

– Зачем ты мне это рассказываешь? – Я посмотрел на часы. Разговор пора было заканчивать, тем более что Алла задание выполнила гораздо быстрее, чем я предполагал.

– Затем, что картины сопровождал некто Малетин, а Терновский краеведческий музей, заявленный в документах как хозяин экспонатов, находится в состоянии полного недоумения.

Интересное кино. Интересное, но не более. И к моему делу этот детектив не имеет никакого отношения. Тем более я понятия не имею, кто такой Малетин.

– Ладно, пора работать, – отрезал я. – На обеде пересекаемся на старом месте?

– Лишний вопрос.

Я положил трубку на рычаг и махнул Алле: «Приглашай...»

И пошло...

И поехало...

– Антон Павлович, почему в СИЗО мне не подписывают разрешение на передачу сыну?

– Потому что в прошлый раз вы, взрослая женщина, напихали в стержни к ручкам иголок, а апельсины накачали брагой...

– Ваша Честь, помните, вы работали мировым судьей?

– Это трудно забыть.

– Так вот, судебный пристав-исполнитель до сих пор не исполняет вашего решения о взыскании с подлеца-мужа-Огаркова алиментов.

Я набираю номер телефона службы судебных приставов Центрального района.

– Михаил Игнатьевич? Добрый день. Вы в курсе, что я обязан контролировать исполнение своих решений? Ваш пристав Бородулин уже год исполняет то, что был обязан сделать в течение пяти, установленных законом, дней. Ситуация стандартная, конечно, но ко мне обратилась с жалобой истица. Это очень, очень, это очень скандальный человек. Я не удивлюсь, если она и до представителя президента дойдет. А?.. Да, постарайтесь, пожалуйста.

В дверях женщина останавливается.

– Вы до сих пор помните, что фамилия пристава – Бородулин?..
На ее месте я бы удивился, что ее называли скандальным человеком...

Обед.

Голова настолько квадратная, что даже шапку надеваю на нее с опаской. Аллочка тоже куда-то собирается. Я знаю куда. Она сейчас опять разговаривала с каким-то молодым человеком, и тот пригласил ее в кафе. Если после обеда она начнет ссылаться на головную боль и попросится домой, я ей не поверю. Ее голова в данном контексте виновата менее всего. А сейчас пусть бежит навстречу новым приключениям...

Я знаю Вадима с детства, но настоящая дружба пришла к нам лишь в тот день, когда мы встретились на юрфаке после армии. «Пересечься на старом месте» – выражение старое. Этим местом вот уже добрых пятнадцать лет у нас с Пашенко является перекресток улиц Глинки и Волховской. Рядом с памятником юному барабанщику. Уж не знаю, на кого и кому стучал этот пионер, только руки у него отбиты все годы, что я его помню. Если в советские времена ему еще как-то мастерили протезы, то теперь на это дело плюнули. К барабанщику с отбитыми по локоть руками терновцы привыкли больше, нежели к целому. Он уже и воспринимается моими земляками так же, как Венера Милосская. Попробуйте приделать к ней руки! Вам за это тут же вырвут ноги. Так же и здесь...

Пашенко мерз пять минут. Однако даже по бандитским меркам «стрелка» не считается «проколотой», если прибывающий опоздал менее чем на пятнадцать минут.

Много лет мы с Вадимом ходим обедать вместе в одно и то же место. Столовая восемь раз меняла название, преобразовывалась в мини-ресторан, кафе и бистро, но цены в ней, как и ассортимент готовых блюд, по-прежнему оставались неизменными.

Пережевывая пельмени, транспортный прокурор рассказывал мне интереснейшую историю...

Глава 5

– Сцена первая, действие первое. Мотор...

Ночь, декабрь месяц, двадцать пятое число. На таможенном посту Барбашино тишина и покой. Таможенный оперативник Миша Сбруев, чтобы не уснуть, чистит спичкой ногти. Рядом с ним, в стеклянном помещении, нависшем над трассой, лежит розыскная овчарка Макс без хозяина. Кинолог съел полбанки тушенки и уже два часа не выходит из туалета на первом этаже. К слову сказать, у наших таможенников своего питомника нет. Ты, как владелец «немца», это хорошо знаешь. Зато на складах временного хранения оперативной таможни очень много конфискатов, в том числе и продуктов питания длительного хранения. А у милицеских работников питомника нечем кормить псов. Ты уже догадался, к чему я клоню? Правильно, Антон. Собаку вместе с кинологом взяли в аренду, на время операции «Трал», за пятьдесят банок конфискованной тушенки. Время тяжелое, поэтому хозяин собаки прихватил пяток банок китайской солонины с собой и, как водится, прежде чем дать собаке, попробовал сам. То ли собаке дал он меньше, чем сам попробовал, то ли человеческий организм хуже переносит просроченные продукты, только уже второй час кинолог не выходит из клозета.

Сцена вторая, действие первое. Макс слышит, как к посту подъезжает фура. Для таможенного опера фура – то же самое, что для участкового уполномоченного милиции – мужик в майке и с топором. Миша кличет кинолог и спускается вниз. Однако кинолог из кабинки сообщает, что ему проще отпустить Макса с опером, нежели хотя бы на секунду отойти от унитаза. Миша отбрасывает спичку в сторону и машет рукой Максу.

Эта пара выходит на улицу в тот момент, когда один из «камазистов» уже бежит к посту. Сбруев начинает свои оперативные заморочки и командует Максy: «Ищи». И тот начинает искать. Есть такие добродушные лохматые парни, которым совершенно безразлично, кто командует парадом. К моменту окончания проверки документов пес находит. Еще не ясно, что именно, но гавкает вполне серьезно и настойчиво. Миша зовет двоих гаишников, которые стоят неподалеку, и просит оказать помощь в отрыве днища, не предусмотренного техническими характеристиками для данного вида грузовых автомобилей.

Антон, ничего, что я так сбивчиво рассказываю? Ты догадываешься, что происходит далее?... Это слишком самоуверенно с твоей стороны. Ты даже не представляешь, что последовало потом.

Братья по оружию, под веселый лай собаки, отрывают поддон, и все приходят в дикий восторг. В поддоне находятся несколько старых фуфаяк для предотвращения замерзания газовых баллонов, коими оборудована топливная система «КамАЗа».

Миша в полном трансе.

Больше всех возмущается произволу властей сопровождающий по фамилии Малетин. Он набирает на сотовом телефоне номер и кричит кому-то о том, что придурок таможенник изувечил грузовик, срывая, таким образом, срок доставки в Прибалтику задокументированного надлежащим образом груза кожаных сапог терновского производства.

– Фу!.. – выдохнул Пашенко и посмотрел на часы. – У нас еще целых сорок пять минут. Думаю, уложусь. Итак, действие третье, сцена первая...

Прибитый неудачей, Миша Сбруев наблюдает за тем, как водители «КамАЗа» возвращают машине первозданный вид, и чешет за ухом Макса.

И вот здесь, Ваша Честь, начинается самое интересное...

Через десять минут ему звонит на пост руководство и в ультимативной форме требует – «или ты быстро отпускаешь грузовик в сторону запада, или капитана получишь тем же при-

казом, которым твоим сослуживцам будут присваивать подполковников». Приказ есть приказ, тем более что Миша и так это уже сделал.

Уже через час, снова утеплив газовые баллоны, коллектив «КамАЗа» уезжает с поста.

Ты сейчас поймешь, Антон Павлович, почему я тебе рассказываю это так подробно. Ты еще не врубился? У тебя ведь собака, Струге!! Нет?.. Хорошо. Тогда специально для тебя – действие четвертое, и последнее.

Расстроенный Миша сидит в стеклянном помещении, нависшем над дорогой, уныло играет с немецкой овчаркой по кличке Макс и размышляет – на фига утеплять баллоны поддомом с фуфайками, если характеристики топливной системы не позволяют ей промерзнуть и без этого? На второй этаж поднимается кинолог, одной рукой придерживая расстегнутые штаны, второй прижимая к воспаленному лбу платок. Он похож на узника гестапо, чудом избежавшего смерти.

– Я схожу с ума, – докладывает он. – Спасибо за тушенку. Макс не блюет?

Миша отвечает, что нет и, в отличие от своего хозяина, несет службу бодро и пронизательно. К примеру сказать, только что он обнаружил груз фуфаяк, но...

И Сбруев повествует хозяину собаки о недостаточной тренированности пса и собственном реноме неудачника. Прослушав историю до конца, кинолог с криком «Идиот!» подхватывает штаны обеими руками и мчится к уже насиженному гнезду. Миша спускается вниз и только перед дверцей туалета таможенного поста узнает правило, над которым не задумывался все двадцать шесть лет своей жизни.

– Идиот! Идиот!! – продолжает восклицать кинолог между взрывами организма. – Собака тебе что, рентген, что ли?! Каждая собака натаскана на определенный вид служебной деятельности! На следовую работу, на поиск трупа, на поиск оружия, взрывчатых веществ! Но нет такой собаки, дефективный, которая была бы натаскана на фуфайки!!

– А на что натаскан Макс?.. – тонким, как писк мышки, голосом спрашивает умирающий от страшной догадки Сбруев.

– На наркотики!!!

Пащенко сунул в рот последний пельмень и промычал:

– Занавес.

– И кто же такой загадочный сопровождающий Малетин? – спрашиваю я, пытаюсь ложкой извлечь со дна стакана раскисшие сухофрукты.

– Ищут пожарные, ищет милиция... Зато установлены водители «КамАЗа». Они-то и пояснили, что «прицеп» под днище им приладили на СТО, неподалеку от выезда из города. Таможенники во главе с Мишей Сбруевым допросили всех «костоправов» на этой станции и выяснили, что всем процессом в тот день руководил некто Басков. Ты знаешь, кто такой в нашем городе Сережа Басков, он же Бася? Вот, он и руководил. А вместе с ним был мужик, который попросил свободных от работы слесарей посмотреть шаровую на его «Мерседесе». Ребятки запомнили номер «пятисотого», а спецы Сбруева его «пробили». Хозяином оказался Сериков, племянник Смышляева. Вот он-то, Иван Александрович, и находился вместе с Басей на СТО, когда под «КамАЗ» крепили приладу.

Я поморщился.

– Да, интересное кино. Значит, Басков и Сериков участвовали в оборудовании «КамАЗа»? А если это их груз сапог?

– Как бы то ни было, кинолог доложил руководству об обнаружении груза и бестолковости Сбруева. А те, в свою очередь, начальству Сбруева. Так родилось оперативное дело разработки таинственного «КамАЗа».

Теперь было бы неплохо переварить весь этот обед вместе с пельменями. Расставшись с Пашенко до вечера – он приглашал меня и Сашу на свой холостяцкий ужин, я направился в суд. Кажется, я опять становлюсь центром событий, которые развиваются, не спрашивая у меня на то разрешения. Когда одни и те же люди сначала появляются в одном месте, а потом – в другом, то нет оснований предполагать случайность.

Но если положить руку на сердце, то я могу честно признаться в том, что пока совершенно ничего не понимаю. И если не пойму до конца, то обязательно сделаю все зависящее от меня, чтобы понять. Потому Лукин и отдал дело мне. Он что-то знает, но никогда мне об этом не скажет. У каждого свои секреты и правила выживания в этой жизни.

Мне сейчас будет очень трудно. Проблема заключается в том, что я не следователь. Я судья. У меня на столе лежит уголовное дело, по рассмотрению которого я обязан вынести законный приговор. Меня никто не уполномочивает вести параллельное расследование, однако закон мне этого и не запрещает. Я не могу участвовать в следственных мероприятиях, ибо тогда я переступлю черту. Закон и только закон. Но собственное мнение судьи никто не вправе отобрать или запретить. Потому мне и дано право, вместе с законом, использовать при вынесении приговора свое собственное мнение. Мнение, которое не расходится с установленными правилами игры. Для меня многое непонятно в этом деле. И я обязан привлечь все силы для установления истины по всем фактам.

И первое, что я не могу постичь собственным разумом, это – почему на месте столкновения автомобиля Малыгина с «Мерседесом» Серикова и «Лексусом» Баскова не осталось никаких следов? В документах, предоставленных следователем ГИБДД, не указано, где именно остались осколки разбитых фонарей, частей кузова, краски. А ведь это основной признак, помогающий определить точно, в каком именно месте произошло столкновение. И почему есть свидетели, дающие показания о том, как «Тойота» врезалась в толпу на остановке, но нет ни одного свидетеля того, как за несколько секунд до этого она со страшным грохотом «разбомбила» две крутые иномарки? Тернов не настолько зажавшийся город, чтобы его жители оставляли без внимания тот момент, когда разбиваются «Лексус» и «мерс»! Не рассказать в подробностях о том, как вдали сталкиваются крутые тачки?.. Об этом расскажет даже тот, кто этого не видел!

В этой истории много лишнего и многого не хватает. В отсечении одного и поиске другого и заключается моя работа. Только есть одно важное замечание. Брать каменную глыбу и отсекай от нее лишнее, создавая истину, – удел свободных художников. Таких, как Роден. Я же – Струге. Фамилии хоть и похожие, но задачи разные. У меня на столе лежит дело, своеобразный госплан, отступить от которого хотя бы на шаг я не имею права.

Глава 6

Я прекрасно помню, как при непосредственном участии Лукина я, придавленный обстоятельствами, был вынужден уйти во временную отставку. Хотя я сейчас называю ее временной, а тогда, почти год назад, я не надеялся более быть судьей. Однако тогда я в суд все-таки вернулся, хоть и на должность судьи мирового, а не федерального. Я прекрасно помню, как Лукин, чувствуя себя ущемленным, сделал все возможное, чтобы я потерял и эту должность. И старался он на славу. Однако благодаря моей сноровке и упорству он вынужден был отступить во второй раз, проиграть и своими руками вернуть меня на должность федерального судьи. У него не было выхода, он был настолько стеснен временем и событиями, что другого пути не видел. Как, кстати, и я. Между нами идет вполне реальная и опасная борьба. Я не могу расслабиться ни на минуту, понимаю, что, если я сделаю хотя бы один шаг не в ту сторону, Лукин тотчас же этим воспользуется. Он игрок, не умеющий и не желающий проигрывать. Я не могу вспомнить ни единого раза, когда бы он оставил без своего внимания человека, который поступил вопреки его воле и желанию. Чем это заканчивалось – знали все не только в областном суде, но и во всех районных. Лукину оставался год до отставки, далее руководить областным судом он не мог ни при каких обстоятельствах. У него ровно один год для того, чтобы развязать все мешающие ему узлы. Узел в виде меня был замотан дважды, и я давал себе отчет в том, что Лукин этого так не оставит. За этот год обязательно произойдет нечто, что позволит ему по квитаться за двойное, нанесенное мной унижение.

А я никого не унижал. Я просто борюсь за свою жизнь и свою честь. Но объяснить эту простую истину Игорю Матвеевичу Лукину не представляется возможным, ибо он делает, по его мнению, то же самое. У нас с ним разные понятия о чести и долге судьи. Именно поэтому я, не задумываясь даже на секунду, могу сразу сказать – это дело велел передать мне именно Лукин. Старый лис прекрасно понимает, в каком водовороте событий окажусь я, столкнувшись лоб в лоб со всеми сильными мира сего. Точнее, не мира, а города Тернова. Впрочем, для меня хватит и этого, ибо я не государственный деятель, а всего лишь судья районного суда.

Борьба между нами продолжается. Возможно, это очевидно уже не только для нас с Лукиным, но и для всех судей города. Одни не понимают меня, другие – Игоря Матвеевича. Только ничто от этого не меняется. Ни один из судей не выступит на моей стороне, если начнется заварушка. Так было уже дважды, и оба раза я мог надеяться лишь на самого себя.

Теперь же, отдав мне дело Малыгина-младшего, Лукин делает очередную попытку реванша. Он меня уничтожает. Плановмерно, уверенно, с улыбкой на лице, что не дает окружающим заподозрить его в подлости. А я, в свою очередь, отвечаю улыбкой на улыбку и противодействую с постоянством человека, старающегося выжить. Есть еще одна непонятная для многих тонкость в наших отношениях. Когда становится по-настоящему трудно и нужен человек, способный побороться и сделать все правильно, Лукин всегда опирается на меня. И я его понимаю. Опирается можно лишь на то, что сопротивляется.

Теперь я понимаю одну из причин, по которой Лукин отправлял меня в месячную командировку в Москву. Убивал двух зайцев. Во-первых, по его мнению, я могу достойно представлять в столице терновское правосудие, во-вторых, меня нужно было подальше убрать от Николаева. Пока я того не «испортил». Расслабить меня и напярчить Виктора Аркадьевича. И Лукин, как я теперь вижу, своего добился. Теперь он, а не Николаев, дает мне для рассмотрения дела, в том числе и дело Малыгина.

Интересно, эти коллизии и борьба двух противоположностей закончатся, когда Игоря Матвеевича наградят почетным знаком «Заслуженный юрист РФ» и отправят в самую почетную из всех известных мне почетных отставок?.. Струге, у тебя еще год для того, чтобы вылететь в трубу. И дело Малыгина в этом тебе «поможет».

Как меня забодал этот Лукин... Ему мало власти. Ему нужно одержать последнюю перед пенсией победу. Свалить Струге. А что меня валить? Я и так беззащитный. Просто честь имею и не отдаю ее никому. Вот это Лукина и бесит.

Вплоть до пятницы я вечерами штудировал дело, как учебник. Я всегда отношусь к процессу тщательно, с известной долей придилок к самому себе и своей памяти, независимо от того, какую категорию преступлений рассматриваю. А дело Малыгина – совершенно особый случай со всех сторон.

Есть вещи, которые я, как бывший следователь прокуратуры, замечаю мгновенно. Почему схема места дорожно-транспортного происшествия составлена так, что прочесть ее содержание не в силах не только я, но специалист? Я уверен, вызови я сейчас первого попавшегося гаишника с полосатой палкой, он зависнет над этой схемой в таком напряжении, что на нее через полчаса закапает слюна. Следователь так волновался, глядя на трупы на дороге, что у него дрожали руки и из головы вылетели все практические наработки? Что-то не верится в это. При данном виде происшествия это все равно что забыть допросить свидетелей. Что явилось причиной такого сумасшедшего маневра Малыгина? Алкогольное опьянение – раз. Но это не исчерпывающее объяснение. Если бы подсудимый ехал вдребезги пьяным со скоростью в десять километров в час, то ничего бы не случилось. Он превысил скорость до критической отметки. Это можно объяснить сильной степенью опьянения, но у меня не выходят из головы слова Малыгина-старшего о том, что его сына испугали. Но об испуге в деле ни слова.

Допрошенный в качестве гражданского истца Сериков И. А. утверждает, что двигался в крайнем правом ряду, как вдруг почувствовал удар сбоку, справа. Его «Мерседес» ударила машина, марку которой и фамилию водителя, сидевшего за ее рулем, он узнал впоследствии. А увидел он машину лишь после того, как она унеслась вперед и врезалась в толпу на остановке. Все звучит логично до тех пор, пока я не разворачиваю лист протокола, на котором Сериков И. А., племянник начальника областного ГУВД, описывает характер повреждений своего «мерса». Правое переднее крыло, правая передняя дверь, капот и правая передняя блок-фара. Такие повреждения должны быть не у «Мерседеса» Серикова, а у «Тойоты» Малыгина. Если «мерс» ударили сзади, то у него не может быть покалечен капот и фары.

Сериков лжет. Тем не менее его показания не опровергает пришедший в себя Малыгин.

Показания Баскова вообще как телеграмма. Ехал в правом ряду, ударили сбоку. Потом видел, как «Тойота» сбила на остановке людей. Претензии выставлю в порядке гражданского иска. Баста. Между тем в деле есть фотография «Лексуса», и если я не слепой и не кривой, то вижу на ней золотистый джип Баси с повреждениями в передней части. Опять в передней части! Что, и Сериков, и Басков ехали по проспекту Ломоносова на задней передаче?! Ведь только так можно объяснить характер повреждений их машин!

Идем дальше. В протоколах допросов Баскова и Серикова рукой следователя записана одна и та же фраза о том, как начиналась трагическая развязка аварии. «...В районе указателя поворота на улицу Серафимовича я почувствовал, как...» – и далее описывается, что они почувствовали. Зная следственную работу, я могу с уверенностью сказать, что многие нерадивые следователи, не желая подбирать лишние слова и с точностью до буквы фиксировать показания допрашиваемого, грешат одним недостатком. Это называется – стандартизация в ущерб работе. Им говорят: «Иванов меня шлепнул ладонью по лбу». Привыкший к стандартам и не удрученный пониманием важности слов следователь пишет: «Подозреваемый ударил меня рукой по голове». Очевидная разница в словах и тексте не в пользу подозреваемого. И он запишет так в десяти случаях, если факт «шлепа» подтвердят еще десять человек. Такие следователи не понимают, как они запутывают обстоятельства по делу.

Так же и здесь, с поворотом на улицу Серафимовича. Я, прожив в Тернове всю свою сознательную и мало сознательную жизнь, без участия сотрудников ГИБДД могу сказать, что

от этого поворота до остановки не более семидесяти-восемидесяти метров. Если бы Малыгин на своей «Тойоте» ударился о два автомобиля кряду, он потерял бы скорость и перевернулся. Как он мог раскрутить спидометр до ста сорока километров в час за семьдесят метров пути? И как этих столкновений не увидел ни один из присутствующих на остановке людей?

Сейчас, когда я смотрю на фотографию «Тойоты», из которой спасатели ножницами вырезали племянника начальника ГУВД, мне трудно судить о том, какие повреждения имелись на машине до того, как она врезалась в толпу.

Но одно я могу сказать точно. Не Малыгин бил Серикова и Баскова, а наоборот. Они били его машину. И происходило это не в «районе поворота на улицу Серафимовича», а гораздо раньше. Поэтому и нет свидетелей столкновений.

– А зачем? – спрашиваю я сам себя.

– Что? – не поняла Саша. Она сидит и смотрит пятничный выпуск вечерних новостей.

Я кидаю на стол карандаш и тру лицо руками. Жутко об этом думать, но, кажется, пора идти к окулисту. Если будет дана команда на приобретение очков, я сойду с ума. Не могу представить себя в очках, даже читающим. Бокс, постоянное чтение, компьютер... Вот составляющие ранней потери зрения. Но я не сдамся. В Новосибирске есть организация, созданная покойным Федоровым, которая делает волшебные вещи. Раз – и глаза отремонтированы.

– Саша, что может заставить двоих водителей, имеющих баснословно дорогие автомобили, бить их о другую машину?

Она даже не задумывается:

– Если обстоятельства дороже суммарной стоимости обеих машин.

Люблю четкие формулировки. Иначе юристу банка нельзя. У них слово на вес золота. «Обстоятельства дороже»... Назовем такими обстоятельствами жизнь Малыгина-младшего. Точнее – его смерть, которая окупит стоимость и «Мерседеса», и джипа «Лексус». Выходит, дешевле разбить обе машины стоимостью в полтора миллиона каждая, нежели позволить Артему Малыгину жить. Дороже обойдется.

Я дотянулся до телефонной трубки.

– Пашенко, кореш центровой, ответь на такой вопрос. Что может заставить водителя страшно дорогой машины сознательно бить ее о машину другого человека?

– Ненависть, Струге... – Прокурор тяжело и часто дышал, и я понял, почему он так ответил. Сейчас он, не задумываясь, разбил бы о меня самую дорогую в мире машину...

– Извиняюсь... – Я поспешил положить трубку.

Секунду думал, а потом снова набрал номер.

– Настя? – Скосив взгляд, я поймал удивленный взгляд жены. – Ты бы смогла вот так, просто так, разбить свою дорогую машину о чужую? – Прислушиваясь к тишине в трубке, уточнил: – Сознательно.

– Если только нужно было спасти близкого человека. Струге, Саша дома?

– Она тебе перезвонит. – Я отключился и почувствовал, как непроизвольно хмурится мой лоб.

Главного ответа я все еще не получил. Набираю номер служебного телефона Александра Владимировича Земцова – начальника отдела городского УБОПа. С ним я уже давно знаком.

– А когда это было? – задумывается Зема, проявляя чудеса оперативной смекалки. Умение отвечать на вопрос так, чтобы вытянуть максимум необходимой информации, является неотъемлемой чертой его характера. Служба обязывает.

– Колись лучше по-хорошему...

Прежде чем «расколоться», Земцов думает. Он вообще никогда ничего не делает и не говорит, хорошенько перед этим не подумав. Недостаток, которого сейчас лишены все молодые сотрудники милиции. Когда молчание в трубке начинает меня напрягать, я нервно вздыхаю. Зема торопится и выдает мне все уже предложенные на сегодня варианты. Но добавляет еще

одно, которое никто из предшествующих не упоминал, хотя я этого ждал. «Или ради общего дела, Палыч», – сказал Александр Земцов.

Вот оно! Получается, не один я так думаю. Значит, это не надуманная мною причина. Разбить две дорогие машины о третью можно, оказывается, ради одного большого, общего дела. Дела, которое гораздо дороже железяк с колесами.

Но на сегодня хватит. У меня уже синие маячки перед глазами. Как «мигалки» на машине Пашенко. Первый признак утомления и того, что нужно всерьез заняться своим здоровьем. Интересно, прокурор еще дышит или уже перестал? Посмотрев на часы, я пришел к мнению, что перестал. Под раздраженный взгляд Саши делаю контрольный звонок.

– Да, Струге!!

На этот раз мой друг юности дышит вполне ровно. Я извиняюсь еще раз и справляюсь, идем ли мы завтра играть в футбол. Докладываю, что здоровье шатается, требуется хорошая физическая встряска, жена мною уже не интересуется, а Лукин вновь плетет паутину.

Выговорившись, кладу трубку и отваливаюсь на стуле.

– Разве я давала повод думать о том, что больше тобой не интересуюсь?

Иногда я забываю о том, что Сашу можно обидеть даже в шутку. Странно, она никогда не обидится на подлый поступок постороннего человека, но обидится всегда, когда я позволю пошутить подобным образом.

Заслужить прощение можно только одним способом. Для чего, собственно, эта шутка и была предназначена...

Вера без дел мертва.

Я не устаю повторять это всякий раз, когда на душе сумрак. Когда приходится принимать важное для себя решение, а уверенности в том, что поступаешь правильно, нет. Нельзя быть уверенным в том, что не ошибешься, поскольку не ошибался раньше. Осторожно, чтобы не разбудить, я целую в лоб спящую Сашу и выбираюсь из-под одеяла.

Ярко-зеленые цифры на электронных часах на тумбочке показывают время моего обычного подъема. Семь утра. Но нынче я встаю в необычном режиме. Сегодня суббота, а это означает, что валяться под одеялом, наслаждаясь бездельем, можно до десяти. До того момента, когда в горизонтальном положении начинаешь себя чувствовать хуже, нежели в вертикальном.

Меня не обязывает к сегодняшним утренним делам ни долг судьбы, ни желание его нарушать. То, что я собираюсь делать, не идет вразрез с моей присягой. Там написано, что я клянусь быть справедливым. Так велят мне мой долг и моя совесть. Мой долг спит, у него сегодня выходной. А вот совесть мучает меня с вечера прошлого дня. По крайней мере я должен знать, за что я буду приговаривать человека по статье, санкции которой распространяются до десяти лет лишения свободы. Вот этого мне никто и никогда запретить не сможет.

Душ принимать я не стану. Волосы высохнуть не успеют, а выходить с мокрой головой на улицу, где безумствует ледяной ветер, я не намерен. Поэтому, наскоро сполоснув лицо и старательно вычистив зубы (запах изо рта не переносят даже дворники), я быстро одеваюсь в спортивный костюм и куртку, сую в карман непечатую пачку «Кэмел» – со стола, маленькую упаковку йогурта – из холодильника, и ужом выскальзываю за дверь. Пока спускаюсь по лестнице до выхода на улицу, коробочка йогурта пустеет.

Двадцать минут восьмого. Через десять минут из ЖЭУ, вооружившись орудиями труда, выйдут дворники и расползутся по территории. Меня не интересуют все ЖЭУ со всем штатом градоуборщиков. Лишь та их незначительная часть, что орудует своими скребками и метлами на проспекте Ломоносова. Проспект долог, однако и я не погулять вышел. Не люблю откладывать на потом важные дела, и уж коль скоро решил поправлять здоровье, буду делать это незамедлительно.

Первые сто метров бега дались без особого труда. Потом становилось все тяжелее и тяжелее. Во-первых, если ты куришь, то сколько бы ты ни играл по выходным в футбол, дыхание у тебя лучше и чище не станет. За два дня движений на свежем воздухе невозможно уничтожить следы окуривания легких за пять дней. При этом я ловлю себя на мысли, что, выходя заниматься спортом, я сунул в карман сигареты.

За спиной всего километр дистанции, а я уже взмок и дышу, как трактор в разгар страды. Последний поворот, тот самый, с улицы Серафимовича, и я на проспекте Ломоносова. Вот теперь можно постепенно углубляться внутрь района, высматривая в темноте спины дворников, обтянутые простроченным ватином, и вслушиваясь в скрежет их скребков среди шума ветра...

Первый «санитар города» повстречался на моем пути на удалении около пятисот метров от отремонтированного «под ключ» салона модной одежды для молодоженов. Симпатичная тридцатилетняя женщина ловко бросала лопатой снег и что-то напевала. Прямо какой-то образчик прошлой жизни. Счастливая женщина, с головой в труде и песне.

– Бог в помощь! – приветствовал я ее.

– А ты не бог случайно? – улыбнулась она.

Сроду не видел таких счастливых людей!

– Смотря в чем, – уклонился я от прямого ответа. – Скажите, вы здесь давно работаете?

– Да уж четвертый год! – засмеялась она и махнула лопатой. Я не пойму, чему можно радоваться в половине восьмого утра, в субботу, с лопатой в руке?

Я напряг ее память, отмотав от киноплетки жизни три месяца. Она слышала и о происшествии на автобусной остановке, и о смерти двоих молодых людей, но ничего нового рассказать не могла.

– А вы следите за чистотой улицы со стороны проспекта Ломоносова?

– На протяжении двух кварталов, – ответила она. – Тяжело, конечно, но кому теперь легко?

Я согласился. И побежал дальше.

– Припомните, пожалуйста, люди, проживающие на вашей территории, ничего вам не рассказывали об аварии, которая случилась на проспекте Ломоносова? Вы ведь наверняка с жителями каждый день общаетесь?

– А что они рассказывали? То же, что в газетах писали да по телевизору показывали!

Понятно. Я прощаюсь и бегу дальше. За полчаса кросса я разговорил еще двоих тружеников метлы и лома, однако мои попытки установить хоть какую-то истину по делу снова не возымели успеха. Я уже собирался поворачивать назад, как вдруг заметил в крайнем подъезде одного из домов приоткрытую металлическую дверь. Дверь рядом с подъездом. Лестницы за такими дверями обычно ведут не наверх, а вниз, в подвал. Сменив галс, я затрусил к подъезду.

Все правильно. Только это не подвал с кабинками граждан, в которых они держат совершенно не нужный скarb, а вполне обжитое помещение. Глядя на мою заиндевшую фигуру, ввалившуюся в натоленную кондейку, трое мужиков в телогрейках оторвались от домино.

Очень приятно полной грудью вдохнуть папиросный дурман после свежего, еще не загаженного выхлопными газами воздуха города. Задаю те же самые вопросы. Мужики разочарованы. Я похож не на обывателя, которому нужно сменить кран, и не фраер, которому можно втюхать китайский «гусак»-смеситель как испанский. Похоже, я мент. Их взгляды напоминают мне о том, что я занимаюсь не совсем своим делом.

Последний раз втянув в себя запах сгоревшего табака фабрики имени Урицкого, я уже почти развернулся, как вдруг мое внимание привлек предмет, совершенно не вписывающийся в интерьер помещения. Пара аритмичных ударов сердца подсказала, что где-то внутри меня сработал контакт зажигания. В конце концов, Саша давно просила, чтобы я вызвал слесаря для смены кухонной раковины.

– Мужики, а кто из вас спец в установке раковин? – Я прошел в глубь комнаты и стал разглядывать свою щетину в черное автомобильное зеркало. Зеркало от черной иномарки, треснутое поперек.

Моя последняя фраза привела всех в восторг. Специалистами оказались все трое, но уже определился тот, который и выполнит мою просьбу. Сначала они удивились, что мужик в здравом уме и при трезвой памяти обращается не по месту жительства, а за тридевять земель от него, но, поскольку речь шла о «калыме», а не об услугах ЖЭУ, больших разногласий и споров мое странное поведение не вызвало. Плати деньги, и мы тебе хоть в соседней деревне раковину заменим.

– Мужики, разве можно держать дома или на работе разбитое зеркало? – журю я их. – Это к несчастью, блин...

– А-а-а... – машет рукой тот, что постарше. – Как нам еще можно жисть испоганить?! Уже все сделано.

– Откуда зеркало-то автомобильное? – Я, наверное, надоедливо выгляжу, но что делать. – Может, за этой дверью «мерс» стоит?

– Какое там... – Снова этот отрешенный взмах рукой. – У нас в подвале бомж живет. Гнать его жалко, тем более он порядок там наводит. Вот перед самым Новым годом он нам это зеркало и подогнал. Ему на что-то не хватало...

– На книгу, наверное, – предполагаю я. – А в каком он подъезде?

– Я не понял, ты – мусор или тебе раковину нужно сменить?

– Я не мусор, но если покажешь мне того бомжа... – Расстегнув карман куртки, я вынул портмоне, а из него – пятьдесят рублей.

– Пошли.

Нищий, каких теперь немало, оказался смышленным мужичком в состоянии дичайшего абстинентного синдрома. Когда он разглядывал принесенное мною зеркало, я боялся, что он сейчас раскрошит в руках пластиковую форму или порежется о стекло. Первые пять минут он совершенно не понимал, кто он и зачем. Потом долго рассматривал меня и слесаря Толяна. Затем снова вернул взгляд на зеркало, после чего опять посмотрел на нас.

– Уж не ждете ли вы от меня объяснений по этому поводу?

Я не выдержал и рассмеялся. Толян вспыхнул:

– Очнись, к тебе мент пришел!!

– Я уже сдал документы для получения паспорта. А если вы по причине моего скандала в соседнем подъезде, так это не я окно выбил. Это Кот.

– Ты стекло в подъезде выбил?! – заорал Толян. – Я предупреждал тебя, чтобы не было никаких эксцессов?! Вышибу из подвала!!

– Ну что теперь, опять на пятнадцать суток?! – взвизгнул пришедший в себя бомж.

– Можно я скажу? – Я, как в школе, поднял руку. – Я не мент. Жора, где и когда ты нашел это зеркало?

– А я помню? – возмутился бомж, совершенно не удивляясь тому, что я называю его по имени.

– Придется вспомнить. Ты меня не узнаешь?

Жора около минуты лупил на меня свои бесцветные глаза, потом отшатнулся, как от змеи.

– Мама миа... Антон Павлович... Вы теперь по «мелким» процессам сами выезжаете?

Узнал. Жору я сужу за мелкое хулиганство со стабильностью гинеколога, осматривающего молодую маму перед родами. Раз в месяц. Меня же Жора в синих одеждах, с логотипом «Nike», видит впервые.

Вскоре устанавливается маршрут, который совершило зеркало перед тем, как попасть в слесарное помещение Толяна.

– Только я его с «мерса» не снимал, Антон Павлович, – клятвенно заверяет Жора. – Говорю со всею ответственностью. Я его нашел.

– Я верю. Где?

До указанного места – метров триста. Район помойки, на пересечении Ломоносова и Чаплыгина. Спрашиваю, почему Жора решил, что зеркало с «Мерседеса». Жора отвечает, что пытался продать его на авторынке, там и сказали.

– Я не понял, раковину-то нужно устанавливать?

Я совсем позабыл про Толяна... Называю адрес нашей с Сашей квартиры. Когда он уходит, я поднимаю Жору с лежака и волоку на улицу. Через десять минут мы прибываем к помойке.

– Вон там и нашел. – Бомж показывает рукой на сугроб около проезжей части. – Ровно за три дня до праздника, то бишь... двадцать девятого декабря! Да. Я за бутылкой полез, а нашел зеркало. Антон Павлович, тогда перед самым Новым годом грейдера дороги чистили. Вот его и сгребли с дороги. Вместе со снегом. За бутылкой полез, потому как на поллитру чуток не хватало...

Видя мои раздумья, он добавляет:

– Я говорю – на поллитру чуток не хватало, вот и полез за бутылкой.

Вынимаю две десятки и отдаю Жоре.

– Если скажешь кому, что с судьей разговаривал, я... больше общаться с тобой не буду.

– Я могила, Антон Павлович. Мо-ги-ла.

Да, похож. В этом сомнений нет. Ловлю себя на том, что закурываю сигарету. Черт!.. Отдаю ее бомжу и выхожу на дорогу. Через двадцать минут я буду дома.

Жора стоит и смотрит мне вслед, сгорая от нетерпения рассказать всем о том, как сам Струге прикурил ему сигарету и дал денег на похмелку. О нашей беседе он разнесет по всей округе, я знаю. Только кто ему поверит? Вот поэтому я и спокоен.

От салона модной одежды для молодоженов до того места, где бомж Жора нашел зеркало от «Мерседеса», более двух километров. Именно здесь «Мерседес» Серикова ударился о борт «Тойоты» Малыгина-младшего. Первый ли это удар был или последний? Ответа на этот вопрос сейчас нет.

Глава 7

– Ты где был? – улыбаясь, спрашивает Саша, засыпая в кофеварку кофе. Ей смешно смотреть на меня, покрытого с ног до головы инеем.

– Пытаюсь вернуть себе ту форму, которую имел в день нашего знакомства. Помнишь остановку и троих мальчиков, которые решили тебя обидеть? Тогда я был хорош... – Углубляясь в тему, я сам себе испортил настроение. Тогда я был действительно хорош. Тем обиднее понимать, что за эти годы успел появиться животик и набрались лишние полтора десятка килограммов.

– Ты выглядишь лучше, чем в те годы. – Жена подошла и помогла стянуть с головы спортивный свитер. – А тогда я подумала, что они сначала тебя искалечат, а потом – меня. Как-то не представлялся мне в качестве защитника худоватый парниша среднего роста.

Расстроившись еще сильнее, я ушел в ванную. Выходит, тогда я был сомнителен для нее, а сейчас не убедителен для себя.

Слесарь не заставил себя долго ждать. Я не успел в очередной, двадцатый раз за последнюю неделю сесть за дело Малыгина, как он явился с одним из уже знакомых мне «подельников».

Чем чаще и внимательней я читаю дело, тем больше вопросов у меня возникает. Вчера их было около десятка, а сейчас набирается уже около двух. Что мог делать на остановке общественного транспорта сын владельца всего игорного бизнеса Тернова? Он собирался с молодой ехать домой на троллейбусе? А где его «Кадиллак», «Линкольн» или что там еще? Ну, понятно, они приезжали в салон одежды, где невеста заказала платье с жемчугом, – это в деле есть. Но на остановке-то они что делали?

В протоколе допроса Артема Малыгина говорится, как он, выпив около восьмисот граммов водки, поехал домой. По дороге вышел из машины, купил бутылку пива и последовал дальше. Если в протоколе следователь пишет: «Я с другом выпил две бутылки водки, после чего почувствовал себя слабым и решил поехать домой...», то почему он не выясняет, кто тот друг, где проживает и что он поясняет по этому поводу. И как по дороге домой Малыгин-младший, проживающий на другом конце города, мог оказаться на проспекте Ломоносова? Точнее, в противоположном дому районе? Пьяный был?

Мы часто виним преступников, когда они, совершив тяжкие преступления, оправдываются тем, что были пьяны и потому ничего не помнят. Но почему эти же следователи легко соглашаются с этим постулатом, не пытаются выяснить истину по делу? Раньше я такой материал мог легко выпнуть на дополнительное расследование, написав на этого следователя Мокрушина представление. Чтобы неповадно было. Сейчас я могу либо осудить, либо оправдать. Другого мне не дано. Реформы нашего законодательства на месте не стоят. Они имеют всех и вся на своем пути.

Совершенно очевидно, что Малыгин, находясь в невменяемом состоянии, причинил смерть двум людям. Но что привело его к этому? И на каком расстоянии от салона одежды находится тот друг, с которым они распивали водку? Ведь это две основополагающие вещи, которые могут оказаться для самого Малыгина роковыми! Почему Малыгин, отправляясь в свой дом, оказался на противоположном от него конце города?

Я осознаю, что задаю себе эти вопросы уже в десятый раз. И в десятый раз, просматривая каждую строчку пухлого уголовного дела, не нахожу на них ответа.

Артема Малыгина «гнали». И начали это делать задолго до того момента, как он врезался в толпу на остановке. Слушая, как Саша, под контролем бдительного Рольфа, расплачивается с сантехниками за работу, я листаю дело до той страницы, где есть фотографии «Мерседеса» и

«Лексуса». Там же я видел справки и заключения из мастерских, в которых Сериков чинил свой «мерс». Это нужно потом, когда будет рассматриваться его гражданский иск для возмещения материального ущерба после ДТП.

Красивый бланк, отпечатанный на компьютере, угловой штамп, печати и подписи. А что между всеми этими «визитными карточками» фирмы-оценщицы? А там – анализ повреждений, стоимость ремонта и стоимость запасных частей, которые необходимы для восстановления покалеченной иномарки. Читаю: «Крыло правое переднее, дверь правая передняя, капот, правое наружное зеркало заднего вида...» После столкновения иномарка гражданина Серикова лишилась, кроме всего прочего, зеркала. Это непорядок. Представляю, сколько оно стоит. Нужно срочно послать к Серикову Жору. Хозяин будет рад видеть родную вещь в руках бомжа. Возможно, даст ему на бутылку. Только мне думается, Сериков скорее прибудет Жору на месте, нежели отблагодарит!

Жора! Вот один из главных свидетелей по делу о причинении смерти двоим людям! Незеваки на остановке, показаний которых в деле предостаточно, а Жора! Маленький, тщедушный бродяга-алкоголик, который, может, и не слышал о трагедии, случившейся на проспекте Ломоносова! Жора, который даже не знает о том, что весь прогрессивный мир ополчился против международного терроризма! Он считает, что весь мир ополчился против него! Но я ни при каких обстоятельствах не смогу использовать его показания на процессах. Я не имею права даже намекать на него. Я могу действовать только в рамках имеющихся материалов уголовного дела...

Я перевернул последнюю страницу.

– Черт!.. – Из меня вырвался дикий смешок.

Следователь Мокрушин сшил дело белыми нитками! Господи, он что, даже этих приколов не знает?! Ни один уважающий себя следователь не возьмется сшивать материалы дела белыми нитками. Может, мне знак подает?..

Но для меня все ясно и без этих шифров. Важнейшего свидетеля по делу я нашел за двадцать пять минут утреннего кросса. Мокрушину на это не хватило трех месяцев. А я уверен в том, что если бы этот майоришка-гаишник хоть раз оторвал свою задницу от стула, то, помимо Жоры-бродяги, нашел бы еще нескольких лиц, показания которых впоследствии сыграли бы на процессе ключевую роль!

Однако не нужно сетовать на безвольность и непрофессионализм милиции. Это я так, внешне бушую. А внутренне мне совершенно ясно, что данное дело, прежде чем попасть ко мне на стол, обрабатывалось не одним консультантом. И Мокрушин здесь нужен лишь для того, чтобы ставить свою подпись на документах.

Не успели мы с Сашей как следует нагуляться по городу, как приблизился час обеда у Пашенко. Интересно, что он там приготовил? Особых разносолов он, конечно, сделать не мог. Что взять с холостяка? Однако красная икра у него не переводилась. У него живет в Находке тетя, которая считает своей обязанностью ежемесячно слать транспортному прокурору икру. У меня такой тети нет, однако я не очень сокрушаюсь по этому поводу. Если бы мне каждый месяц из Приморья слали красную икру, я бы расстраивался оттого, что не могу послать туда электричество.

– Саша, почему люди иногда молчат, вместо того чтобы доказать свою невиновность?

– Не знаю... Наверное, оттого, что боятся навредить близкому. Или забиты судьбой.

Это женская логика. Теплая и доверчивая. В каждом слове звучит вера в справедливость.

– Или для того, чтобы избежать более сурового наказания за более серьезные проступки, да?

Это моя логика. Жестокая и жалящая. Не оставляющая ни малейшего шанса на обман.

Столько раз зарекался говорить с ней на подобные темы... Зачем ей все это нужно? Не зная подробностей того, чем я занимаюсь, она не станет любить меня меньше. И всякий раз меня пробивает, как неисправную проводку. Когда я жил один, я очень много молчал. Я носил в себе все тайны людских судеб, будучи уверенным в том, что так они лучше сохранятся. Но от этого молчания и груза чужих секретов можно сойти с ума.

Поэтому иногда и спрашиваю ее, стараясь помимо жесткой, выработанной годами логики найти проблеме еще одно объяснение.

Иду и не перестаю думать о деле. Звонки и встречи, случившиеся на этой неделе, – цветочки. Самый шухер начнется после первого заседания. Задам пяток вопросов одному участнику, пяток – другому... И адвокаты, как это обычно бывает, впадут в панику. После процесса очухаются и лихорадочно начнут искать ответы на вопросы и разрабатывать доктрину поведения. Ждать хорошего от Струге тем, у кого рыло в пуху, не приходится.

Уже не в силах не просто есть, а смотреть на икру, я отвалился на стуле. Александра отправилась рассматривать книги Пащенко, предоставив нас самим себе.

– Миша Сбруев нашел Малетина. Точнее, не его самого, а его данные.

– Ну? – лениво буркнул я, понимая, что это совершенно ненужная для меня информация.

– Товарищ Малыгин Семен Матвеевич строит в городе микрорайоны. Его сын, ныне – загипсованный подсудимый, занимает пост финансового директора. И у них есть свой юротдел.

Я сидел, как самка осетра, готовая к нересту. От переедания и гудения в ногах у меня слипались глаза. Пащенко же нес какую-то колыбельную ересь и, судя по всему, желал меня увидеть заснувшим прямо за столом.

– Но в юротделе моему следователю пояснили, что в конце ноября прошлого года Артем Семенович Малыгин пригласил из какой-то юридической конторы незнакомца. Если бы он не платил ему зарплату, в три раза превышающую ставку юристов папиной фирмы, то, возможно, последние и не были бы столь откровенны. Жаба жадности давила их, как пресс, когда им в бухгалтерии рассказывали, сколько новый юрист получает под роспись денег.

– Вадим, я сейчас усну. Ты к чему мне все это рассказываешь?

– Ты уснешь не от моих разговоров, а от усталости, – сверкнув на меня недобрый взглядом, заметил прокурор. – Ты сегодня целый день шаркался по городу. И поделом.

– Откуда ты знаешь? – удивился я.

– Мой друг, мы вчера договорились идти на футбол. Но ты не пришел. А выглядишь так, словно отбегал не два тайма, а четыре. До такого состояния в субботу мужика может довести только жена, которая таскала его по магазинам весь день.

Оп-па... За гулянием с Сашей и посещениями парфюмерных отделов я совсем забыл о футболе! А все это злосчастное дело! Я думаю о нем, забывая обо всем.

– Так я продолжаю! Измученный Сбруев выяснил фигуранта, скрывавшегося под маской сопровождающего.

– И кто скрывался? – Теперь у меня от бестолкового разговора начала болеть голова.

– Юрист.

Все, заболела конкретно.

– Тот самый, что был принят в юротдел Малыгиным-младшим. Вот он и вез реальные сапоги и фуфайку в реальную прибалтийскую столицу. Не понимаешь? – Видя мою рассеянность, Пащенко стал разгибать пальцы. – На СТО, когда под «КамАЗ» лепили поддон, был замечен Сериков и Бася. А сопровождал груз некто Малетин, который до недавнего времени трудился в штате Артема Семеновича Малыгина. Ты напряги свой бубун, твоя-моя Честь! Что ты на стол смотришь, как пелядь на червя?!

Я уже давно все понял. Вместе с приходом этого понимания ушла сытая лень и головная боль. Я уже все понял, а Пашенко, со свойственным ему азартом, продолжал держать передо мной ладонь с оттопыренными пальцами.

– Басков – раз! Сериков – два! Малыгин – три!! Ты какое дело сейчас рассматриваешь, судья?!

Пора идти домой. После разговора с Пашенко хотелось окунуться в горячую ванну, зажать ноздри пальцами и опуститься на дно. Тепло, спокойно, лишь легкий пассат тревожит верхушки кокосовых пальм. Встать на доску, заорать на весь пляж: «Алоха, Гавайи!!» – и взлететь на гребень волны...

Кто такой Малетин? А кто его знает? Мужик молодой какой-то. Сейчас Сбруев, не понимающий, зачем это нужно, но ведомый гневными приказами руководства, пытается установить местонахождение человека, «засветившегося» в качестве сопровождающего груз на таможенном посту.

Впрочем, какое до этого дело мне? Те же фигуранты, что и в моем деле? Ну и что? У бандитов жизнь такая. Простите, Алексей Петрович Смышляев, что я так о вашем племяннике...

Образно говоря, сейчас я нахожусь в состоянии заготовки, которую прессовщица держит в руках под тяжелым прессом. Механизм, взведенный в состояние боевого спуска, дымится и гудит от напряжения. Одно нажатие ногой кнопки, и на меня обрушится миллиард тонн веса. Одни, с любопытством разглядывая этот процесс со стороны, мечтают, чтобы меня убило в одно мгновение. Другие, наоборот, хотят увидеть Струге в новой его форме. В той самой, программу которой заложил прессовщица. Одно ее желание – и я стану круглым. Если дурное настроение – квадратным. Мечтательное – овальным. Все зависит от побуждений мастера, который шептал над программой формы.

Я же в тот момент, когда молот падает, стараюсь напрячь все свои силы и превратиться в алмаз, который сделает в прессе огромную правильной формы выбоину. Именно сегодня, когда состоится первое заседание по делу Малыгина, я чувствую это напряжение. Все замерли, как брокеры на бирже. Едва стрелка пересечет отметку с цифрой «двенадцать», все замечутся, как чайки, заорут, стараясь подешевле купить и подороже продать, принося своей стороне максимальную выгоду. После первого же процесса я окажусь в центре событий, превращусь в куклу, которую будут толкать плечами, делать подсечки и другие пакости, направленные на то, чтобы сбить судью с ног. Давление начнется со всех сторон и одновременно.

Я не боюсь, потому что испытывал это не раз и не два. В деле четыре очень мощных стороны, неравномерно разделенные обстоятельствами на две половины. И каждая из них, распрямляясь как пружина, будет использовать всю свою силу и силу, помогающую, но не участвующую в процессе. Уже через час после окончания первого дня заседания я пойму, кто в чьей команде играет и каковы шансы на успех у каждого. Мир сильных города сего развалится, как арбуз, на две половины. И каждая из половин будет демонстрировать мне свою большую привлекательность, нежели рядом лежащая. Но я-то знаю, что это – две половины одного и того же арбуза.

А потому и начну судить по совести и справедливости, без жалости и гнева, беспристрастно, подчиняясь только правосудию, как велят мне долг и моя совесть...

ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ.

Глава 8

Алла так и сказала: «Встать, суд идет!»

Пропустив вперед одного из судебных заседателей, я вошел в зал. Тяжкие вздохи, терпеливое ожидание того момента, когда судья по фамилии Струге усядется за стол. «Прошу садиться», – и те же вздохи из зала. Всегда одно и то же. Хоть раз бы встретили радостным свистом и овациями! В ответ я растянул бы полы мантии и поклонился до пола. Но я не Дэвид Копперфильд. Поэтому радоваться моему появлению может лишь откровенный идиот. Струге всегда показывает один и тот же фокус. Перемещать себя сквозь Китайскую или иную стену я не могу, освобождать себя от пут на дне Марианской впадины тоже. Но попробовал бы коллега Дэвид переместить одного или группу подсудимых за стены колонии лет на пять-десять. Вот это был бы фокус. Это тебе не бабу пополам распиливать. Но фокуснику Копперфильду аплодируют и сломя голову рвутся брать у него автографы. Мои же волшебства почему-то всегда встречают ревом и проклятиями. А чего они хотят? У нас разные школы, потому и фокусы разные. А за автографом ко мне приходят... То разрешение на свидание подписать, то копию приговора заверить. Есть и еще одно отличие. Дэвиду, при всем его старании, не верят и пытаются выискивать подлог. Мне же верят безоговорочно.

Белая и черная магия. Я, наверное, слуга последней. Под цвет мантии.

Разглядываю зал. Кажется, весь цвет города прибыл посмотреть. Все на месте. Из уже упомянутых не хватает Смышляева и Баскова. Ну, с Алексеем Петровичем все ясно. На его месте я бы тоже тут не отсвечивал. А вот Бася горячится. Он в этом зале появится в обязательном порядке, чего бы мне и ему это ни стоило. Его фамилия фигурирует в уголовном деле в списке свидетелей, и новоиспеченному криминальному авторитету Тернова уже следовало бы изучить практику моего рассмотрения дел и сделать соответствующие выводы. Если в деле присутствует фамилия «Иванов», то, где бы в данный момент Иванов ни находился, он обязательно в моем представлении поучаствует. Единственное, чему я пока так и не научился, – это оживлять трупы. Именно по этой причине некоторые Ивановы в моих процессах так и не появляются. Однако мне известно, что отходить в мир теней Сергей Николаевич Басков не собирается. Поэтому его сегодняшнее отсутствие я расцениваю не иначе как вызов. О дне первого судебного заседания он уведомлен надлежащим образом, и вряд ли я признаю уважительной причиной факт его отсутствия из-за деловой встречи с каким-нибудь залетным авторитетом. Если это так, пусть несет мне справку. «Я, Митя Горно-Алтайский, настоящим заверяю, что Сергей Николаевич Басков (Бася) с десяти до тринадцати часов пятого марта «тер» со мной чисто за жизнь на берегу Терновки». Если принесет, я приобщу к материалам дела и неявку признаю уважительной.

Когда я дохожу до той части, где звучит мой вопрос: «Отводы составу суда есть?», в зале наступает оглушительная тишина. Я знаю, многим в зале суда сейчас очень хочется заорать: «Долой Струге!!!» Но и они знают – едва они заявят ходатайство о моем отводе, как я спокойно удалюсь вместе с заседателями в совещательную комнату и уже через пять минут оттуда выйду. Все, чего они могут добиться в этом случае, будет никому не нужная оттяжка начала заседания на пять минут. Я встану и провозглашу мнение суда о том, что данное ходатайство не обосновано и не является препятствием для того, чтобы данное дело рассматривалось в составе прежнем.

Поэтому со всех четырех сторон я слышу лишь глухие ответы «Нет» или вижу молчаливые покачивания головой. Какой смысл делать то, что не возымеет никакого последствия?

Закон в этой стадии заставляет меня быть нудным и монотонным. Однако без этих шаблонных вопросов, предписанных мне законом, обойтись нельзя. Я деловито тяну резину, знакомя друг с другом всех участников процесса. Собственно, знакомиться мне с ними не нужно.

Всех этих адвокатов я знаю так хорошо, что могу быть личным летописцем каждого. Я знаю, кто в какой стадии сделает прокол и кто из них обязательно этим воспользуется. Всех этих мэтров я повидал на своих процессах десятки раз. То же самое они могут сказать и обо мне, так что ситуации равны. Единственный, кто слегка выпадает из этого действия, это государственный обвинитель. Этого молодого человека в форме юриста первого класса я вижу впервые. Он молод и слегка растерян, хотя всячески старается скрыть это обстоятельство. Очевидно, в своих мыслях я не одинок, так как совершенно четко вижу – хищные взгляды адвокатов и адвокатесс направлены именно на этого незнакомца. Он будет поддерживать обвинение и задавать Малыгину каверзные вопросы. Именно от действий этого сотрудника прокуратуры сейчас зависит очень многое. Я не могу поддерживать ни сторону обвинения, ни сторону защиты. Если так можно выразиться, я – статист, принимающий окончательное решение. Однако все прекрасно понимают, что очень скоро этот статист начнет задавать такие вопросы, что мама не горюй. В общем, со Струге все ясно. Другого адвокаты от судьи уже давно не ждут. Поэтому, едва не роняя кипящую слюну на свои конспекты, они рассматривают самое, на их взгляд, тонкое звено в этом процессе – государственного обвинителя. Честно говоря, зная состав потерпевшей и подсудимой сторон, районный прокурор мог бы назначить на это место человека поспоровистей, с уже зажившими от вражеских укусов шрамами на шкуре. Но я понимаю, присутствие этого молодого незнакомца в процессе – событие не случайное. Если нельзя договориться со Струге, это не означает, что договориться нельзя вообще ни с кем. Ай-я-яй.

Закончив формальную, но столь необходимую часть, напоминающую болтовню конференсье перед концертом, я делаю паузу. Все ждут действия. Как зрители, которые терпеливо слушают ведущего, елозят задницами по концертным креслам и ждут начала.

А я жду, кто из адвокатов проколется первым. Это произойдет обязательно. Их слишком много, поэтому процент совершения глупости увеличивается в несколько раз. И я, черт меня побери, делаю провокацию!

– Итак... – Окинув ватным взглядом зал, я перевожу его на заседателей.

– Ваша Честь! – раздается от клетки, в которой, словно намокший воробей, сидит Малыгин-младший. – Как адвокат подсудимого, я считаю нужным вести в суде звукозапись.

И адвокат Артема Семеновича, вынув диктофон, нажимает на кнопку записи и ставит аппарат на стол.

Вот те на. Я как-то не ожидал, что ошибку совершит именно Ползункова. И я своей забуревшей шкурой мгновенно чувствую подвох. Даже мантия на моей спине стала эластичной, как будто ее постирали мылом «Дав». Адвокат с двадцатилетним стажем Ползункова может не быть информирована о составе американского экипажа астронавтов, высадившегося на Луну, но она наверняка помнит даже состав «тройки», судившей Тухачевского. Уголовный процесс Ирина Петровна знает, как расположение мебели в своей двухуровневой квартире на улице Киевская.

Я вглядываюсь в нее, она не отводит взгляда от моего лица. Она спокойна и уверена в себе, как продавщица продуктового магазина, «раскусившая» очередных посетителей из налоговой полиции с их подлой «контрольной закупкой». Ирина Петровна не может не знать, что право использования звукозаписывающей аппаратуры закреплена Конституцией. Но вместе с правом существуют еще и правила. Об этом нужно заявить ходатайство, так того требует закон. Я могу отказать, могу разрешить. Однако, если откажу, мгновенно выражу некую предвзятость к подсудимому. Если соглашусь, дам в руки карты для стороны потерпевшей. Суд в некотором смысле торг, по истечении которого каждый стремится получить максимальную выгоду.

Но что же делает Ирина свет Петровна? Она нарушает закон, прекрасно зная, что я сейчас это пресеку. «Пресеку» или – «просеку»? А что я должен просечь?

«Антон Павлович, ты должен просечь, что Ирина Петровна начинает зарабатывать очки. Сейчас ты заставишь ее выключить диктофон и тем самым дашь ей в последующем, в случае неблагоприятного исхода дела, заполнить первую строчку жалобы в кассационную инстанцию: «Судья Струге А. П. запретил использование в процессе звукозаписывающей аппаратуры». Точка. А это уже судья Струге потом будет указывать на причины такого запрета. И то, если кому-то это будет интересно. Но я знаю, я почти уверен в том, что это не будет в областном суде интересно никому. В областном суде находится Игорь Матвеевич Лукин, который обратит внимание на жалобу, но не станет выяснять причины ее происхождения.

Вот теперь, кажется, все ясно. Первый из адвокатов дал мне понять, с какого правового поля сорвали эту ягоду...

Не отрывая взгляда от Ползунковой, я сказал:

– А почему бы и нет? Закон вам это разрешает.

Ходатайства о применении материалов записи в дальнейшем процессе она не заявляла. А это означает, что эту запись она не может использовать официально. Без официально оформленного документа ее содержание бессмысленно. Лишь для того, чтобы Ирина Петровна тихими мартовскими вечерами сидела у камина и прослушивала весь тот бред, который сейчас польется со всех сторон.

Ловлю на себе удивленные взгляды всех, кто в этом зале хоть раз в жизни читал закон. Эти взгляды, словно обезумевшие чайки, бьются о стекло близ самого моего лица.

Эстафета подхвачена.

– Ваша Честь, я прошу уважаемый суд допустить в зал судебного заседания журналистов.

Это адвокат родителей Вадика Измайлова.

Желание устроить публичную порку выплескивается из всех, кроме защиты Малыгина. Мой неожиданный ход прошел, и теперь каждый старается нарушить как можно большее количество статей Уголовно-процессуального кодекса. Я выслушаю всех. А слушать есть кого. Позабыв о том, что находятся не на одесском Привозе, а в зале суда, четверо мэтров схлестываются в перепалке. Объяснить такое чудовищное по глупости поведение четверых искушенных в своем деле людей я могу лишь ответственностью, которая легла на их плечи, и количеством денег, положенных перед ними на весы. Не желая ущемлять себя даже в малом, они рубятся насмерть. Честно говоря, мне странно на это смотреть. Даже если судья допустит в зал журналистов Би-би-си, что от этого изменится? Что может измениться, если судить все равно будет Струге? Уж не думают ли уважаемые адвокаты, что на него повлияет присутствие прессы?

Сейчас нужно определить правильный ответ. Зал волнуется, и я чувствую, что волнение переходит и на несведущих в уголовном процессе граждан. По своему составу зал «высок» и «знатен», однако я уже не раз убеждался в том, что знание закона напрямую зависит от положения. Чем выше положение, тем меньше знаний.

Алла меня понимает с полувзгляда. Она видит мое спокойствие, поэтому закидывает одну на другую свои сумасшедшие ноги. Сегодня она опять заняла первое место в номинации «Самая короткая юбка».

Артем Малыгин, разуверившись в жизни и в том, что происходит, положил голову на свою загипсованную руку и смотрит туда, где у Аллы на чулках начинается узор. По его ответам в первые минуты процесса я понял, что его состояние и отношение к суду можно определить одной фразой: «Делайте что хотите».

Покусав друг у друга самые незащищенные места, адвокаты постепенно затихли. Разведка боем проведена, позиции сторон выяснены. Четверо очень грамотных людей устроили в моем процессе сознательный переполох. Разведка боем, показавшая, кто на что рассчитывает и как на это реагирует судья. Иначе расценивать такое поведение людей, прекрасно разбирающихся в законе, не приходится. У меня на секунду даже мелькнула мысль о том, что они в сговоре.

Болезнью, именуемой «мантией преследования», заражены все судьи, и я не исключение. Я выдержал долгую паузу, наслаждаясь ситуацией. Сейчас все участники сабантуя чувствуют себя полными идиотами. Особый изыск этому добавляет моя замаскированная улыбка. Я улыбаюсь так, что ни один из присутствующих не рискнет заявить, что судья Струге во время процесса улыбался. Улыбка чувствуется, но не присутствует.

– Ну, раз состав суда так и не дождался драки, позвольте мне приступить к исполнению обязанностей председательствующего.

Первое заседание – основополагающее. Будет зачитано обвинительное заключение, и каждый выскажется о нем по-своему. Все дебаты впереди, поэтому каждый говорит осторожно, оставляя самые тяжеловесные козыри на потом. Жечь уголь в августе – глупое занятие.

Краем глаза я нет-нет да посматриваю на обвинителя. Проблема заключается в том, что практически все они приходят в суд, не разобравшись толком в сути дела. Бывали случаи, когда на мои процессы прибывали прокуроры, вообще не знающие, по факту чего им придется представлять обвинение. Кажется, сегодняшний, по фамилии Пектусов, из числа последних. Дело он читал, я знаю. Но его мало прочитать, его нужно понять. Выучить назубок каждый документ, заметить каждый ляп следователя, понять ход его мыслей.

Он этого не сделал.

Первые удары по станам противников нанесены, как сейчас любят говорить, точно. Никто из мирных жителей не пострадал. Процесс закончен, и самым равнодушным после него выглядит Малыгин-младший. Прихрамывая и держа на весу поврежденную руку, он вливается в коллектив сочувствующих и выходит из зала. Я это не вижу, потому что вместе с народными заседателями покинул зал первым, но чувствую каждое движение подсудимого. Я долго раздумывал над тем, какую меру пресечения ему избрать. Решив не выглядеть пристрастным – Малыгин прибыл вовремя и не думал скрываться, я оставил ему меру пресечения без изменения. У меня нет оснований совершать поступки, объяснить которые не имею возможности. Дальше будет видно, а пока, из результатов первого дня сражения, ясно одно. Изменений в поведении участников не произошло.

Сегодня можно отдыхать.

В ту минуту, когда я пересекал дорогу, ведущую от суда к остановке, я был твердо уверен в одном. Подсудимый Малыгин Артем Семенович, сбивший насмерть двоих людей, виновным себя не считает. Это я понял из его ответа на мой вопрос.

– Виновным себя я... Да, я считаю себя виновным и раскаиваюсь в содеянном.

Первое рвалось из сердца, второе зубрилось дома перед самым процессом. В протокол попало второе. А та часть фразы, которая указывала на его истинное мнение, осталась лишь на пленке адвоката Ползунковой. На той пленке, которую нельзя будет использовать в судебном расследовании ни при каких обстоятельствах.

– Эй, мужик!..

Глава 9

Черт! Иногда я совсем забываю, что думать на улице – вредно. Так недолго оказаться под колесами трамвая или быть сбитым джипом Баскова. Человек обычно забывается гораздо быстрее, нежели возвращается в реальность. В этом-то вся проблема. Однако кто тот нахал, что обращается таким молодым сопливым голосом к взрослому, не такому уж хлипкому на вид мужчине?

– Мужик!..

В десяти шагах от меня стоял юноша, лет пять назад достигший возраста полной уголовной ответственности. Кожаная куртка-«канадка», мятые драповые брюки, норковая шапка с ушами, как у деда Мазая. Двадцатилетние сосунки очень любят сейчас носить шапки, как олигофрены. Они завязывают на ней шнурки за самые кончики, а потом ходят, задевая этими лопухами за табачные киоски, тополя и прохожих. Короче, не молодой человек, а какое-то умышленное недоразумение. Таких сотни тысяч, но больше всего их, кажется, в Тернове.

– Ты к кому обращаешься, лишенец?

– К тебе обращаюсь. – Судя по всему, этот зимородок не обознался. – Ты че, глухой, типа?

Я лениво качнулся с ноги на ногу и двинулся в сторону говорившего. Внимательно вглядываясь в подбородок, изрытый оспинами, и тяжелые мешки под глазами, я стал подумывать о том, что парень «висит», а потому совершенно ничего не соображает. Состояние глубокого «прихода» героя, не то что мыслить рационально – различать карточные масти не способен.

– Тебе кулаком в голову когда-нибудь били, молодой человек?

Единственный верный способ уладить дела. Проверенный временем и дорогами.

Но по поведению мальчика я догадался, что мой предварительный анализ не стоит и выведенного яйца. Ситуация, прямо противоположная догадкам. Разглядывая мою фигуру и прикидывая в уме мой вес, паренек подался назад. Он не под «кайфом», а в состоянии глубокого «депрессняка». Ломка происходила прямо на моих глазах. Он держал обе руки в карманах, быковато смотрел мне в пояс и, судя по всему, никак не мог решиться на действие. Так глядят новички, не умеющие обращаться с ножом. Точка на моей дубленке, куда нужно сунуть лезвие, так сильно притягивала внимание наркомана, что он не мог оторвать от нее взгляд. Бить было страшно, но еще страшней было оставаться в состоянии жесточайшего абстинентного синдрома. В такие минуты эти ублюдки готовы на все. Если бы сейчас на моем месте был профессор математики или учитель средней школы, даже страшно представить, как они могли бы закончить свою жизнь. Прямо здесь и прямо сейчас, посреди дорожки городского парка.

Как я вообще сюда попал? Я шел и думал о минувшем процессе, а потому автоматически направился пешком в сторону дома. Очевидно, на моем лице было столько лирики и мечтаний, что среди всех прошедших мимо самым безопасным для себя объектом получения дозы наркоман выбрал именно меня.

И ошибся. Я не учитель и не поэт.

Можно без всяких проблем врезать ему пару раз в брюхо и уйти, никуда не торопясь. После моих апперкотов отморозок поднимется со снега лишь минут через пять. Однако еще через пять минут по этой дороге пойдет как раз профессор математики. Или учитель средней школы. Гнусно лишать державу ученых мозгов.

Юнец решил. Какое-то дикое хрюканье – и в мой левый бок летит лезвие ножа.

Не делая ни шага с места, я поднимаю на уровень пояса портфель «РЕТЕК». Подарок Саши на Новый год. Если сейчас этот придурок одним ударом сможет пробить ножом трехтомное уголовное дело по кражам из автомобилей, я его зауважаю. Лично я это дело рассматриваю уже шестой месяц.

Не получилось. Нож дошел до ходатайства адвоката об изменении меры пресечения в первом томе и, не в пример мне, сломался. От резкого броска парень потерял равновесие и стал частить ногами по обледеленному асфальту. Не желая упускать такого момента, я со всего размаха врезал ему портфелем по голове. Наконец-то у меня появилась возможность показать постороннему человеку нагрузку, которая лежит на судьях. Наркоман сломался под тяжестью одного-единственного уголовного дела. Его шапка с ушами, как у дегенерата, удар смягчила, но не отразила.

Под моими ногами лежал, словно сметенный ураганом одуванчик, жалкий наркоман. Есть дни удачные, но сегодняшний к ним не относился. Я посмотрел портфель, цокнул языком, думая, как незаметно для Саши устранить порез, и вытянул из кармана пиджака телефон.

Минут через пять-десять приедет наряд. Ровно столько времени у меня для того, чтобы поразвлечь себя разговором с очнувшимся юношей. Он сидел на попе, упираясь обеими руками в асфальт, и открытым ртом пытался понять смысл ситуации. Очевидно, это было невозможно без определенных подсказок, поэтому я спросил:

– Наверное, хочешь узнать, что сейчас произошло?

Кажется, я угадал.

– Рассказываю. Ты хотел ударить меня ножом, а я это упредил. Меня ты всего лишь испугал, а сам получил по черепу портфелем стоимостью в три тысячи рублей. Не знаю, этого ли расклада ты добивался, но скоро подъедет милиция, чтобы определить твое дальнейшее место жительства.

Наркотические судороги забегали по всему лицу. Он сделал попытку подняться, поэтому пришлось придавить его ногой к дорожке.

– Ты кто, мужик?

– Из общественной организации по борьбе с наркоманами.

– Мужик, прости, а? Сам пойми – ломка конкретная!.. Сдашь ментам – подохну в хате! Я без «баяна» больше четырех часов не могу!.. Я возьму за обиду. Отвечаю...

Мне не нужно рассказывать, что такое беда без дозы. Я с такими бедолагами работал через день в следствии и с каждым вторым таким артистом сажусь в процесс. Страна сходит с ума.

Но, кажется, босяк не до конца понял мою должность. Иначе как объяснить такой вопрос:

– Слышь, давай поможем друг другу, а? Я не залетный, всегда на виду. Пару точек «белых» сдам, а ты меня «отвяжи», а? Ну, закроешь меня – какой понт? А вот сбытчики...

Сейчас он в состоянии сдать всех, кто ему не дал в долг под «ломку». Вполне понятное желание, если не учитывать тот факт, что предложи я ему сейчас «обнести» квартиру своей матери, он согласится без тени сомнения. А за свободу и кубик героина он расскажет, как проще организовать коллективное изнасилование его родной сестры.

Конечно, я не отпущу этого мерзавца. Было бы глупо предположить иное. Однако время идет, а белой «шестерки» с синими проблесковыми маячками не видно.

– Ну, попытайся рассказать. – Прикрывая уши перчатками, я снова толкнул его ногой на асфальт. – Сидеть, сссучонок...

– Короче, начальник, «солью», но будь взаимен. Как договорились.

Мы договаривались? Саша уже давно просит меня принимать «Капилар». Стимулирует работу головного мозга, снижает утомляемость, восстанавливает память. Может, у меня правда пробки вышибает, а я этого даже не замечаю?

– На Восточном массиве Абрам точку держит. Но у него частенько «геру» с содой бодяжат. Правда, с ними разборки никто за эти дела не устраивает, Абрам – человек Баси. Знаешь Басю, командир? Он афганским порошком в городе управляет. А вот в казино «Князь Игорь» порошок без примесей. Мусоров там нет, но без связи не подъедешь. Элитная точка. Да и пять

баксов за вход платить надо. Я так и не пойму, кто там у кого на подсосе. То ли мусора у Изи, то ли Изя у мусоров.

– Изя? – От бакланского базара у меня разболелась голова. – Кто такой Изя?

– Без понятий. А вот и патруль. Ну, я пошел, командир?

– Куда это ты пошел, обкурок? – Я бросил взгляд на въезжающие на тротуар «Жигули». Сирена молчала, но синее мелькание огней, освещающее парк, как электросваркой, предвещало неприятности. Не мне.

– Как куда? – Наркоман изумился так, что мешки растянулись по всему лицу. – Мы же договорились, командир?!

– Что-то я не припомню. – Глядя на вышедших из «шестерки» сержантов, я снял ботинок с плеча наркомана. – Ты о чем, брат?

– Ты не из «Анти-СПИДа», что ли?..

– Нет. Я же сказал – я судья. Это ты глухой, а не я. Или я тебе не говорил? Опять у меня что-то с памятью...

– А на хрена я тебе все это рассказывал?!

– Понятия не имею. Ладно, вставай.

Придется давать показания. Если не дам, завтра этого юного негодяя отпустят. Конкурсная программа набора на работу в милицию, объявленная министром внутренних дел, привела к тому, к чему должна была привести, вопреки всем министерским фантазиям. Сейчас в РОВД молодые опера и следователи с трудом доказывают причастность человека к преступлениям даже тогда, когда налицо внушительная доказательная база. А что происходит, когда с подозреваемым приходится работать с нуля? С «чистого листа»? Как правило – освобождение подозреваемого.

Глупо мне не верить. Я получаю эти уголовные дела практически каждый день. И каждое из них внимательно читаю. Жуть берет в тот момент, когда я начинаю понимать простую истину. Из всего этого следственного бреда мне нужно извлечь истину и судить. Не секрет, что часто судьи, вместо того чтобы вести судебное следствие, проводят следствие предварительное. То есть то, что должен был сделать передавший в суд дело следователь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.